

АНДРЕЙ С Р Б О О Е В Р С Т Е М Ы Е Н Н Ы Й
С Р Б О О Е В Р С Т Е М Ы Е Н Н Ы Й

ВОРОНИН

СЛЕПОЙ

ТЕОРИЯ ЛЖИ

Слепой

Андрей Воронин
Слепой. Теория лжи

«ХАРВЕСТ»

2012

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Воронин А. Н.

Слепой. Теория лжи / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2012 — (Слепой)

ISBN 978-985-18-0574-3

В этом остросюжетном романе Глебу Сиверову, известному агенту Слепому, приходится вести двойную игру. Кроме расследования нового преступления, связанного с производством и сбытом некачественных, смертельно опасных наркотиков, ему необходимо взаимодействовать со своим напарником, которому поручено скомпрометировать, подставить Слепого. Чтобы изучить схему взаимодействия наркодилеров, Слепому приходится вместе с напарником непосредственно включиться в игру, посещая ночные клубы и закрытые вечеринки. В конце концов удастся выйти на химиков, которые занимались подпольным производством аналога экстази еще в девяностые годы.

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 978-985-18-0574-3

© Воронин А. Н., 2012
© ХАРВЕСТ, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Андрей Воронин

Слепой. Теория лжи

© Харвест, 2012

Глава 1

В один прекрасный день Глеб Сиверов обнаружил, что научился угадывать настроение московских улиц. В предзакатный час столица была тихой и расслабленной. А вот вечерами, особенно теплыми, летними, и в ее центре, и на окраинах время от времени начинало сгущаться что-то нехорошее, нервное и тревожное. Современная молодежь, и так пьяная от запаха свежей листвы и буйного цветения, предпочитала гулять не парами, а шумными компаниями, поднимая настроение громкой кислотной музыкой и из горячительных напитков, самое малое, пивом. А дальше уж все как всегда. Грязная ругань, оскорбления, мордобой. Осенью эти прожигающие жизнь парни и девушки будто зашивались в норы. А по весне выползали на люди, демонстрируя полное неприятие тех, кто был не из их компании, не из их стаи. И, будучи по долгу службы человеком, в общем-то, терпимым и лояльным к представителям самых разных слоев общества, Глеб Сиверов, он же засекреченный агент ФСБ Слепой, старался обходить стороной компании искусственно взбудораженных спиртным, и не только, подростков. Да нет, он не боялся, что они его зацепят и покалечат, он опасался, как бы самому их случайно не покалечить. Светиться перед полицией, которую потом обязательно вызовет кто-нибудь из сердобольных родителей, соседей или случайных прохожих, ему было никак нельзя.

Именно поэтому Глеб Сиверов, заметив компанию подростков, обычно парковал машину у самого подъезда и, никак не реагируя ни на какие брошенные в его адрес замечания и оскорбления, решительно направлялся к входным дверям.

Так было и в этот раз. Глеб припарковался, вышел из машины, поставил ее на сигнализацию и уже приготовился приложить магнитную таблетку к кодовому замку, как один из сидящих на лавочке у подъезда подростков вдруг вскочил и попытался сбить его с ног. Мальчишка, очевидно, занимался где-то восточными единоборствами и даже знал кое-какие приемы, но применять их, к счастью, не научился. Слепой не сдержался и, схватив парнишку за руку, крутнул ее, выворачивая за спину. Тот, очевидно, не ожидал такого отпора и взвыл от боли.

И в ту же минуту из темного закоулка, где стояли, поплеывая шелухой от семечек, подростки, к Слепому метнулись двое. Глеб, отпустив скрючившегося от боли парнишку, успел перехватить и этих двоих, но удар по руке тяжелой битой, которую Глеб не успел разглядеть в вечернем сумраке, вынудил его выпустить одного из нападавших. Будь Сиверов обычным человеком, он наверняка закричал бы, позвал на помощь. Но Слепой привык сам решать свои проблемы, поэтому пустил в ход локти, голову, ноги. Подростки отчаянно лезли на рожон, а их расширенные зрачки и покрасневшие глаза, в которых то и дело проскакивало что-то звериное, свидетельствовали о том, что они любят не только пиво, которым от них разило до тошноты.

Если бы не онемевшая рука, Слепой сумел бы разметать их в два счета, но после предательского удара тяжелой битой ему приходилось не наступать, а защищаться, стараясь уйти от опасных ударов.

Неожиданно двери подъезда распахнулись и во двор выскочил высокий рыжеволосый парень в клетчатой рубашке и джинсах. С ходу включившись в драку, он точными и, похоже, болезненными ударами сбил пару пьяных подростков с ног. Правда, один из них успел двинуть парня по уху, да так сильно, что полилась кровь. Парень, отскочив в сторону, вытащил из кармана джинсов носовой платок, приложил к уху, второй рукой достал мобильник и, нажав кнопку, поспешно бросил в него:

– Полиция? Здесь стая подростков напала на человека. Записывайте адрес...

Громкий голос парня подействовал на только что безумствовавших подростков отвращающе. Они брызнули врассыпную, не прихватив даже сумки, которую бросил у дверей, спеша на помощь Глебу, парень.

– Спасибо, конечно, – кивнул Слепой, потирая руку и усаживаясь на лавочку, – но я не готов к встрече с полицией.

– Да не вызывал я никакой полиции! – улыбнулся парень. – Я блефовал, чтобы разогнать эту шоблу. Степан, – представился он, протягивая руку Слепому.

– Глеб, – кивнул Сиверов, отвечая на рукопожатие и стараясь при этом составить хотя бы общее впечатление о столь кстати вынырнувшем из его подъезда, можно считать, спасителе.

Рыжеволосый, коротко стриженный парень, все еще удерживая у уха платок, сквозь который сочилась кровь, смотрел Глебу прямо в лицо и слегка улыбался. Глебу показалось, что было в его, казалось бы, бесхитростном веснушчатом лице и взгляде светлых голубых глаз что-то напускное, неестественное, даже неискреннее. Хотя, судя по заметному румянцу, растекающемуся по его щекам, это могло быть просто природным смущением. Глеб уже давно заметил, что такие, как этот парень, здоровяки, зачастую конфузятся, когда дело касается чисто человеческих отношений.

– Живешь здесь, что ли? – спросил Степан, кивая в сторону подъезда.

Глеб молча кивнул.

– А я вот к знакомой одной своей приехал. А ее дома нет. Соседка сказала, что уехала она куда-то то ли на месяц, то ли на два. Ты Милку из сто пятой, случайно, не знаешь?

Глеб, продолжая изучающе разглядывать парня, покачал головой. Откуда было ему, проживая в этой квартире, которая временно стала его убежищем, лишь урывками, знать всех, кто живет в подъезде девятиэтажного дома? Ему и самому-то не очень хотелось бросаться кому-то в глаза.

– Жаль, – вздохнул Степан. – Я из Екатеринбурга, можно сказать, через всю страну пилил, а ее нет...

– И близкая знакомая тебе эта Милка? – решил поинтересоваться Глеб, усаживаясь на лавочку и закуривая.

Степан сел рядом и, пожав плечами, хмыкнул:

– Да вроде как...

– А почему вроде как? – спросил Глеб, слегка улынувшись.

– Я неподалеку отсюда в армии служил. С Милкой на дискотеке познакомился. Тусовались, пока здесь был. А потом по Интернету переписывались, по телефону перезванивались. Вроде как ждала. Вот решил ей сюрприз сделать... Работу бросил, квартиру продал – и в Москву. А тут... Никто меня тут не ждал... Теперь ни жилья, ни работы... – вздохнул Степан.

– И куда теперь? – спросил Глеб, вдруг поймав себя на мысли, что, если бы он выбирал себе напарника, к чему в последнее время его настойчиво подталкивали события, выбрал бы такого, как Степан.

– В гостиницу или на вокзал... – встал на ноги Степан.

– Подожди, – остановил его Глеб, взглянув на стекавшую из рассеченного уха по щеке за шиворот кровь. – Давай-ка ко мне поднимемся. Ухо тебе перебинтую. Да и переночевать сможешь.

Еще день назад он ни за что и никому, тем более случайно встреченному, пусть и спасшему его парню, такого не предложил бы. Об этой квартире знал только его непосредственный начальник – генерал Потапчук, но именно сегодня Потапчук приказал ему съехать с этой квартиры и назвал новый адрес. Так что риска в таком приглашении не было никакого.

Степан отреагировал так, будто только этого и ждал.

Они поднялись по лестнице, и Степан, снимая в прихожей кроссовки, огляделся и спросил:

– Ты один, что ли, живешь?

– Да, – кивнул Глеб. – Один.

– А где у тебя ванная? – спросил Степан.

– Там, – показал пальцем Глеб. – Аптечка в шкафчике. Ухо йодом помажь. Если надо будет, я тебе его потом перебинтую или пластырем заклею. А я пойду на кухню, чайник поставлю.

– У тебя с рукой что-то серьезное? – сочувствующе поинтересовался Степан.

– Не думаю, – пробормотал Глеб, проверяя, как двигаются пальцы. – Наложу тугую повязку, а завтра посмотрим.

– Да, утро вечера мудренее, – кивнул Степан, направляясь в ванную.

Глеб прошел на кухню, поставил чайник и достал из шкафчика привезенный кем-то из агентов Потапчука из Китая настоящий зеленый чай. Свернутые в трубочку молоденькие чайные листочки можно было заваривать минимум раза три: они только больше раскрывались и отдавали весь свой аромат. Для такого изысканного чая у Глеба Сиверова имелся даже фарфоровый заварник с изящным серебряным ситечком. В холодильнике лежали сыр и ветчина: можно было сделать бутерброды к чаю.

Степан, уже с заклеенным пластырем ухом, пришел на кухню не с пустыми руками: принес бутылку хорошего армянского коньяка и лимон, которые, видимо, достал из сумки.

Глеб одобритительно кивнул.

– Сейчас вот только руку себе перевяжу и приступим, – сказал он.

– Давай лучше я, – с готовностью предложил Степан и действительно сноровисто забинтовал руку.

– Да ты, я вижу, мастер не только драться, но и зализывать раны, – улыбнулся Глеб.

– У тебя как, рюмки есть или стаканами пить будем? – поддерживая слегка ироничный тон хозяина, спросил Степан, кивая на бутылку коньяка.

Глеб достал из шкафчика две рюмки, Степан сполоснул их под краном и порезал лимон.

– К нему бы еще сахар и кофе свежемолотый, было бы совсем по-царски... – пробормотал Степан.

– Да, начали с зеленого чая, а кончим свежемолотым кофе, – покачал головой Глеб, доставая банку с кофе и сахарницу.

– После коньяка да кофе спать будем как убитые, – уверенно заявил Степан.

– Поверь мне, лучше спать, как живые, а не как убитые, – заметил Глеб, откупоривая коньяк и разливая его по рюмкам.

– За знакомство! – сказал Степан и, лишь пригубив коньяк, закусил его лимоном, предварительно насыпав на ломтик кофе и сахар.

Глеб, держа рюмку в руке, подошел к окну и, сделав вид, что пьет, выплеснул коньяк в стоящий на окне цветочный горшок со столетником.

– Ну что, еще по одной? – предложил Степан.

– Знаешь, – пробормотал Глеб, позевывая, – меня что-то в сон клонит. Я лучше чаю попою и пойду спать.

– Ладно, оставим на завтра, – согласился Степан.

Зеленый чай как раз успел настояться и, когда Степан разлил его в чашки, приобрел тот изумительный оливковый оттенок и тонкий аромат, которыми можно было долго наслаждаться. Но Слепой, придерживая перевязанную Степаном руку и стараясь показать, что коньяк подействовал на него усыпляюще, сделав несколько глотков, сладко зевнул и заявил:

– Устал я. Пойду спать...

– Я допью и тоже лягу, – кивнул Степан, не глядя на Слепого.

В комнате стояли два дивана. Слепой достал из шкафа и положил на один постельное белье, а сам лег не раздеваясь на второй и укрылся с головой одеялом.

Когда Степан вошел в комнату, из-под одеяла уже доносился мерный храп.

Степан не стал зажигать свет, но Слепому это никак не мешало внимательно следить из-под полуопущенных век за своим случайным гостем. Степан постоял, прислушиваясь к храпу

хозяина, и направился к столу, на котором стоял ноутбук. Включив его, он уселся за стол, дожидаясь выхода компьютера на рабочий режим. Слепого это начинало забавлять: без пароля доступа к информации парень никак не получит. Нажав несколько клавиш, Степан недовольно фыркнул, выключил компьютер и принялся вытаскивать один за другим ящики стола, в которых ничего, кроме старых газет, не было и быть не могло. Но Степан, очевидно, думал иначе, поскольку, включив крохотный фонарик, просмотрел газеты и, поочередно доставая их, исследовал дно и стенки ящиков, пошарил рукой под крышкой стола.

Осмотр шкафа, в котором, похоже, он тоже надеялся найти тайник, ничего ему не дал. В конце концов Степан, недовольно крикнув, постелил себе на диване и улегся спать.

Глеб улыбнулся: ему показалось интересным вести вот такую игру. Пусть парень высматривает и вынюхивает, может быть, удастся выяснить, кто приставил его следить за ним. А что, если взять этого парня себе в напарники?.. Почему бы и нет. Слепой был достаточно опытным агентом, и для этого ретивого, но, похоже, простоватого «сыщика» у него всегда найдется черновая работа, из которой никак не узнаешь сути дела. Степан, если ему действительно поручили за ним следить, будет землю рыть, чтобы выслужиться. И если через Степана передавать определенные сведения, побуждающие к каким-то важным действиям, кто-то из его кураторов как пить дать проявится. Слепой почему-то не сомневался в том, что этого парня к нему приставил кто-то из «коллег» Потапчука. Из простого любопытства или ради каких-то своих шкурных интересов – можно будет выяснить по ходу. А пока что, как говорится, что есть, то надо и съесть. И при этом не подавиться. Конечно, нельзя было исключить и вариант, что здесь игру затеяли совсем другие люди, что на Слепого пытается выйти кто-то из уголовных авторитетов, кто-то из тех, кому наступили на хвост. Но люди из уголовного мира не стали бы приставлять к Слепому такого, мягко говоря, «тюфячка». Слишком уж бесхитростным и простоватым выглядел этот Степан. Хотя, опять-таки, возможно это только так казалось.

Так или иначе, теперь пока не стоит менять квартиру. А с Потапчуком нужно будет договориться встретиться где-нибудь на нейтральной территории. С этими мыслями Слепой и уснул.

А утром проснулся от пьянящего аромата кофе. И тут же вспомнил, что находится в квартире не один. Рука, по которой накануне вечером саданули битой, все еще ныла, но, пошевелив ею, Глеб Сиверов понял, что вполне сможет обойтись без помощи врачей. Легкие, с его точки зрения, травмы он давно научился излечивать специальной гимнастикой, секретами которой с ним поделился один китайский студент-медик. И сейчас, еще лежа в постели, Слепой, преодолевая боль, попытался проделать несколько нехитрых упражнений, дающих возможность согреть и разработать травмированные мышцы, и только после этого встал и направился на кухню.

Степан как раз снимал с плиты джезvu с кофе и встретил Глеба вполне искренней улыбкой.

– Я на двоих сварил. Так что присоединяйся!

– Доброе утро, – кивнул Глеб.

Он достал из шкафчика две кофейные чашки и поинтересовался:

– Как ухо?

Степан лишь повел плечом и задал встречный вопрос:

– А как рука?

– Терпимо, – улыбнувшись, кивнул Глеб и хотел уже присесть к столу, как вдруг отозвался его мобильный. Это был Потапчук, который, похоже, в достаточной степени владел информацией, поскольку, поздоровавшись, сразу же взял быка за рога:

– Прими те условия игры, которые нам навязывают. Поверь мне, это не худший вариант...

Слова эти, безусловно, относились к будто бы случайно появившемуся возле Глеба Степану, но звучали как бы в продолжение какого-то прежнего их разговора.

– Без напарника теперь тебе не обойтись, – продолжал Потапчук и, слегка выделяя слова, добавил: – Лето на дворе. Темнеет поздно. Много за день можно успеть.

– Да-да, – кивнул Сиверов, понимая, что Потапчук будет ждать его в кафе «Лето» сегодня вечером.

Степан, хотя и делал вид, что его мало интересует, с кем и о чем говорит Глеб, несомненно, сгорал от любопытства. Нужно было это любопытство удовлетворить.

– Мой начальник звонил, – сказал Глеб как ни в чем не бывало. – Говорит, напарник мне нужен. Если ты согласишься, поработаем вместе.

– Да я готов. Мне все равно делать пока что нечего, – не скрывая радости, поспешил согласиться Степан.

– И ты даже не спросишь, что надо делать и сколько будут платить? – прищурился Глеб.

– Да, – покраснел Степан. – А сколько мне будут платить?

– Думаю, в обиде не останешься, – вздохнул Слепой и, сгоняя с губ улыбку, добавил: – Завтра встречусь с шефом и сообщу ему, что нашел напарника. Проверим тебя в деле.

– Да, да, я согласен! – воскликнул Степан.

Глеб на секунду задумался и достал кошелек:

– Я тебе выдам, так сказать, аванс, сходи прикупи себе одежды, ну и чего еще хочешь, отдохни, расслабься. Завтра, когда включимся в дело, будет не до того.

Деньги, которые он протянул Степану, того, похоже, обрадовали, но он не забыл поинтересоваться:

– А вы что будете делать?

– Отсыпаться, – сказал Глеб и протянул Степану кожаный футлярчик: – Возьми ключи, чтобы, когда вернешься, меня не будить. Можешь по дороге заказать себе дубликаты.

Похоже, парень поверил Глебу, но на всякий случай спросил:

– А если вам нужно будет выйти?

– Я же тебе сказал, что буду отсыпаться! – рявкнул Глеб и принялся демонстративно стаскивать с себя майку.

– Ладно, я пошел... – заторопился Степан и добавил: – До вечера.

Как только тот вышел, Сиверов, взглянув на часы, послал Потапчуку эсэмэску: «13.30». В час у Потапчука начинался обед, и он, конечно же, найдет возможность уйти от слежки, если таковую за собой обнаружит.

Слепой оделся, достал из кармана куртки еще один комплект ключей и вышел на улицу. Машина, новый «фольксваген» серебристого цвета, стояла там, где он ее припарковал. Выбирая автомобиль, Глеб Сиверов всегда старался следовать за большинством. В последнее время в Москве, как и в Европе, серебристые «фольксвагены» были едва ли не самыми популярными, так что можно было надеяться на то, что никто особо не обратит на тебя внимание.

Глава 2

Доктора медицинских наук Дмитрия Шевченко в клинику скорой помощи, да и в другие московские клиники, приглашали для консультаций обычно уже после того, как местные врачи признавали свое поражение. Шевченко, несмотря на свой молодой, даже, можно сказать, юный для доктора наук сорокалетний возраст, отлично разбирался не только в медицине, но и в химии, поскольку несколько лет стажировался в одной из самых популярных на Западе закрытых клиник, где многие знаменитости лечились от наркотической и алкогольной зависимости. Но то, что он увидел в этот раз, привело его в замешательство.

В реанимационном отделении под капельницами лежали четверо совсем молодых парней, в соседней палате – три девушки, одной из которых не было и шестнадцати. Почти сутки никто из них не приходил в сознание. Всех их доставили из одного из ночных клубов, где они устроили жуткий погром, но, пока ехала полиция, вдруг успокоились и, как говорится, вырубались. Так что пришлось вызывать еще и «скорую помощь». Как утверждали их компаньоны, которым оперативники устроили допрос с пристрастием, кроме одной-двух таблеток экстази те вроде бы ничего не принимали.

– Мы, Дмитрий Павлович, провели терапию, как обычно в таких случаях, по вашей схеме, но результат нулевой, – пожала плечами дежурившая вторые сутки врач Крутикова и, покраснев, поправила высокую, хорошо накрахмаленную шапочку, из-под которой выбивались мелкие светлые кудряшки.

– Анализы готовы? – спросил Шевченко, окинув полногрудую Крутикову живым взглядом.

– Не все, – сообщила та и, смутившись еще больше, протянула кипу карточек.

– Я же просил вытаскивать меня к вам только после того, как будут сделаны все нужные мне анализы, – недовольно покачал головой Шевченко.

– Но мы не знаем, что делать... – растерянно пробормотала Крутикова. – Обычно за сутки наблюдается хоть какая положительная динамика... А эти вот даже не пришли в сознание.

Шевченко подошел к одному, потом ко второму пациенту, приподнял глазные веки, прослушал пульс, недовольно поморщился:

– Странно...

– Да, и мне тоже показалось это странным. Поэтому мы вас и побеспокоили... – поспешила с оправданиями Крутикова.

– Вы говорили с оперативниками, они что-нибудь у них нашли? – поинтересовался Шевченко.

– Нет, – покачала головой доктор Крутикова.

– В каком смысле «нет»? – переспросил Шевченко. – Не говорили или не нашли?

– Не говорили, – уточнила Крутикова и добавила: – Мне не до этого было. Я от больных не могла отойти.

– Ладно, – кивнул Шевченко, стараясь скрыть раздражение. – Давайте-ка прямо сейчас позвоните следователю или кто вам там телефон оставлял... Вам же кто-то из полицейских оставил телефон?

– Да, оставил. Следователь Петров. Он просил позвонить, когда кто-нибудь из них придет в себя, – сказала Крутикова, обиженно поджимая ярко накрашенные губы.

– Симпатичный? – вдруг спросил Шевченко.

– Кто? – опешила Крутикова.

– Следователь Петров, спрашиваю, симпатичный?

– А при чем здесь это? – еще больше обиделась Крутикова.

– Позвоните этому вашему следователю Петрову и узнайте, нет ли у них в заглазнике таблеток, которыми травились эти ваши больные.

– Хорошо, – послушно кивнула Крутикова и поспешила к выходу.

Шевченко, дав несколько указаний медсестре, тоже вышел в коридор. Он понимал, что в ночном клубе этим ребятам подсунили совсем не экстази. Чем чище наркотик, тем мягче он действует. Да, возникает привыкание, человек превращается в инвалида. Но это происходит постепенно. Шевченко и у себя, в России, и за границей насмотрелся и на тех, кто балуется кокаином, и на тех, кто подсел на героин или морфий. Любители травки и экстази во всех странах считаются хотя и неблагонадежным, но не сказать чтобы социально опасным контингентом. Самые же дикие выходки совершают наркоманы под воздействием кустарно созданной синтетической наркоты. Именно поэтому самое серьезное наказание в большинстве стран предусмотрено даже не за распространение, а именно за производство наркотиков, которое приносит нарковоротилам такие бешеные деньги, что этот бизнес искоренить в ближайшее время нет никакой надежды. Это любят подчеркивать в своих докладах ученые на международных симпозиумах: «Единственное, что мы можем, – это облегчить страдания тех, кто стал жертвой наркомафии».

Шевченко покачал головой. Так быстро возникшая агрессия, ведь медики говорили, что эти наркоманы устроили в клубе жуткий погром, а потом полная отключка на целые сутки... Да, несомненно, это «грязный» химикат. Судя по тому, сколько раствора перекачали через капельницу для очистки организма, не получив никаких положительных результатов, этот наркотик не выводится из организма, он в нем осел, а значит, продолжает поражать жизненно важные органы, и прежде всего нервную систему, мозг. Шевченко нащупал в кармане пачку сигарет и толкнул входную дверь.

Больничный дворик был чистым и уютным. Несколько старых, не буйно цветущих лип источали сладкий дурманящий аромат. Шевченко присел на лавочку и закурил. Ему так лучше думалось. Конечно, если новый наркотик в достаточном количестве поступил на рынок, будут еще жертвы. Расследовать, кто и где производит эту гадость, – дело полиции. Он же, как врач, обязан придумать, как эту гадость хотя бы выводить из организма.

Шевченко так глубоко погрузился в мысли, что не заметил, как рядом с ним на лавочке примостилась ярко раскрашенная рыжеволосая девица.

– Закурить не найдется? – спросила она хрипловатым голосом.

– А тебе восемнадцать хоть есть? – хмыкнул Шевченко, окинув оценивающим взглядом девушку, одетую в черные в обтяжку блестящие брючки и такой же расшитый блестками топик, под которым едва обозначались груди.

– А тебе какое дело? Трахнуть, что ли, собрался? – с вызовом хмыкнула она и поправила обмотанные вокруг своей тонкой бледной шейки странные железные цепи.

Шевченко, не ожидавший такого ответа, чуть смутился и, покачав головой, протянул девушке сигареты, а потом щелкнул зажигалкой.

– Да ладно. Не бойсь! – махнула та рукой. – Я девушка тихая, на мужиков не бросаюсь.

– А я и не боюсь... – недовольно передернул плечами Шевченко.

– Расслабься! В данный момент ты меня интересуешь не как мужчина, а как врач! Ты же врач? – спросила девушка, и во взгляде ее густо подведенных ярко-голубых глаз вдруг засветилась надежда. – Ты здесь работаешь?

– Ну, допустим, – кивнул Шевченко, решив не уточнять, где и кем он работает.

– Йес! Значит, ты мне поможешь! – воодушевилась девушка и добавила: – наших сюда вчера привезли – Димона и Шпунтика. Не слышал, как они там?

– Кто, Димон и Шпунтик? – улыбнулся Шевченко.

– Ну да... Вам же фамилии надо... А я фамилий их не знаю... – покачала головой девушка.

- А что с ними? В каком отделении они лежат? – попытался уточнить Шевченко.
- Да наркота... А в каком отделении – не знаю... Мы с ними вместе тусуемся. В клубе «Альтаир». Слышал?
- Нет, – покачал головой Шевченко.
- Ничего, что я с тобой на «ты»? – спросила девушка, гася сигарету.
- Да ладно, какая разница...
- Да, действительно... Ну так вот, мы вчера... То есть нет, уже позавчера – как всегда, тусовались. Музон там отпадней. Ну один чел предложил нам таблеток новых... Без колес такой музон слушать в падлу. Никакого кайфа. А так отрываешься по полной. Ну, я как раз коку занюхала, а пацаны, Димон и Шпунтик, глотнули. Пивом запили. Экстази с пивом на ура идет. Ну и пошли вроде как танцевать... А потом вдруг им как будто крышу снесло! На бармена накинудись, бутылки бить начали... А пока понты ехали...
- Кто? – не понял Шевченко.
- Ну понты... полицейские в смысле... Были менты, а теперь понты... Ну так вот, пока понты ехали, Димон со Шпунтиком бах и вырубидись. Им уже «скорую» пришлось вызывать. Разошлись, а там еще два пацана и девки лежат. Их всех загребли – и в больницу. Сказали, что в эту... Я думаю, что это от колес у них крышу снесло. Это, я так думаю, не экстази! Это гадость какая-то... Хорошо, что я коки уже нюхнула и мне колеса на фик не нужны были...
- Слушай, как тебя зовут? – спросил Шевченко, понимая, что эта девушка много чего еще может ему рассказать.
- Лара, а тебя?
- Доктор Шевченко, – ответил Дмитрий Павлович, стараясь не разрушить дистанцию с этой весьма отвязной девицей.
- Так что, доктор Шевченко, поможешь мне узнать, как там Димон и Шпунтик? А я тебя здесь подожду. Ах да... Димон такой высокий, худой и лысый. А Шпунтик малой, кривоногий и весь в наколках.
- Мне что, ходить и простыни заворачивать, чтобы узнать, какие у кого ноги? – хмыкнул Шевченко, но, заметив мелькнувшую в глазах девушки растерянность, тут же добавил: – Да узнаю, узнаю я про твоих Димона и Шпунтика.
- Вот спасибо! Я здесь, на лавочке, подожду, – радостно кивнула Лара.
- Хорошо, но у меня к тебе тоже дело есть, – сказал Шевченко.
- У тебя ко мне дело?! – удивилась Лара.
- Ты говоришь, что эти таблетки, ну, которые якобы экстази, раздавали в клубе...
- Ну ты сказал! Раздавали... Да я за них почти такие же бабки, как за коку, отстегнула!
- Ты тоже купила эти таблетки? – не веря удаче, переспросил доктор Шевченко.
- Ну да... – пожала плечами девушка.
- И где они?
- Где-то в кармане... – пробормотала Лара и, привстав со скамейки, действительно вытащила из заднего кармана блестящих черных брючек помятую серебристую упаковку с двумя таблетками.
- Слушай, дай-ка их мне, – протянул руку Шевченко.
- Э! Ты че! – отшатнувшись, возмутилась Лара. – За них деньги плачены. А ты так, на халяву, хочешь!
- Я тебе заплачу. Сколько? – поспешил спросить Шевченко.
- А тебе они зачем? – насторожилась Лара. – Если понтам отдашь, то я не дам!
- Да мне, чтобы твоим пацанам помочь, нужно же знать, чего они наглотались! – поспешил объяснить Шевченко.
- Ну, если так, то гони бабки! – передернула плечами Лара.
- И сколько ты за них хочешь?

– Десять баксов, – с вызовом сказала Лара.

– Хорошо, – кивнул Шевченко, доставая из кармана джинсов бумажник, и спросил: – Так ты, надо понимать, эту хрень тоже за десять баксов купила?

– Ну да, нашел дурочку! – хмыкнула Лара. – Я же с нашей сделки хоть какую-то выгоду должна иметь!

– А, понятно... – хмыкнул Шевченко, протягивая десятидолларовую купюру девушке и забирая у нее две таблетки в серебристой упаковке. – И где ты, интересно, деньги на дурь берешь? – поинтересовался он, спеша спрятать таблетки в карман халата.

– Да какое тебе дело! – раздраженно сказала Лара. – Ты лучше мне про Димона со Шпунтиком узнай! Я тебя здесь подожду!

– Если они из тех, которых из клуба привезли, то я тебе и так скажу. Никто – ни из парней, ни из девчонок – в себя еще не пришел.

– А ты откуда знаешь?

– Да я только что от них, – вздохнул Шевченко. – Так что иди домой, отсыпайся. А если хочешь, можешь мне свой телефончик оставить. Когда они придут в себя, я с тобой свяжусь.

– А ты ментам, в смысле понтам, мой телефон не отдашь?

– А ты что, их боишься? – улыбнулся Шевченко.

– Да они разбираться не будут. Заметут и все. Если еще скажешь, что наркоту у меня купил, то это вообще статья. За сбыт наркотиков. Да еще паленых. Так что давай лучше я твой телефон запишу и позвоню потом, когда пацаны в себя придут...

– А как же ты узнаешь, что они в себя пришли?

– А я завтра тебе позвоню! – сказала Лара и, достав мобильник, приготовилась записать телефон доктора.

Шевченко не очень-то хотелось давать свой номер первой встречной девице, да еще наркоманке. Но он боялся ее спугнуть, поэтому продиктовал свой номер и, пожелав ей всего хорошего, поспешил в больницу.

– И тебе не хворать! – вдогонку крикнула Лара.

Вернувшись в больницу, Шевченко поспешил подняться в реанимационное отделение. В коридоре симпатичная доктор Крутикова о чем-то оживленно беседовала с двумя высокими, спортивного вида мужчинами в накинутах на плечи белых халатах. Заметив Шевченко, она позвала его и представила, как и думал доктор Дмитрий Павлович, оперативникам.

– Вот, пока я пыталась к ним дозвониться, – прощепетала Крутикова, – они сами приехали.

– Добрый день, – кивнул Шевченко, пожимая руки.

– Доктор Крутикова говорит, что вам нужны таблетки, наркотики, которые принимали пострадавшие, – сказал усатый белобрысый блондин, стараясь выдерживать строгую, сухую интонацию.

– Да, не помешало бы... – проговорил доктор Шевченко, пристально глядя на парня.

Он решил не ставить оперативников в известность насчет того, что уже сам раздобыл таблетки. Ведь чтобы помочь этим несчастным, анализ химического состава наркотиков нужно было производить немедленно, а эти парни пока расспросят его, где взял, пока все запротоколируют... Еще и Лару бросятся искать... А потом окажется, что их эксперт в отпуске или еще что-то тому подобное... А у него есть свой эксперт – Пал Палыч, надежный и проверенный. Он уже пару-другую раз выручал Шевченко еще до стажировки в Америке. И он настолько опытен, что может не только определить химический состав любой синтетической дури, но и указать, на каком оборудовании она была сварена. В экстренных случаях Пал Палыч никогда не отказывал ему не только в том, чтобы произвести анализ, но и в том, чтобы подсказать, какие препараты смогут растворить, а значит, вывести вредные вещества из организма.

– Пока что нам ничего не удалось найти, – вздохнул второй, хотя и моложавый, но уже начинающий лысеть парень.

– Странно, – недовольно поморщился Шевченко. – Очень странно...

– Что странно? – с вызовом спросил белобрысый оперативник.

– Да так, – не поднимая глаз, сказал Шевченко и добавил: – Плохо работаете, товарищи...

Судя по всему, оперативников это задело, и тот, что с пролысинами, возмутился:

– А вы, вы хорошо работаете?! До сих пор люди валяются без сознания!

– А как я их приведу в сознание, если понятия не имею, какой гадости они наглотались! – тоже на повышенном тоне парировал Шевченко.

– Вы же специалист! Сделайте что-нибудь! – недовольно выкрикнул белобрысый.

– Вот и поговорили, – хмыкнул Шевченко и, войдя в палату, где лежали пострадавшие, плотно прикрыл за собой дверь.

Ребята по-прежнему безучастно лежали под капельницами. И надо было полагать, что в коре головного мозга у них происходили необратимые изменения. То есть, если даже и придут они в себя, с головой у них вряд ли все будет в порядке. Присмотревшись, он по довольно точным описаниям Лары узнал и долговязого белобрысого Димона, и низенького, татуированного Шпунтика.

Шевченко нащупал в кармане халата таблетки, которые продала ему Лара, и, покачив головой, вышел в коридор. Оперативники, очевидно, уже ретировались, а Крутикова пошла их провожать. Это было даже хорошо. Меньше будет лишних вопросов.

Шевченко переложил таблетки в карман джинсов, снял халат и, достав мобильный, набрал номер Павла Павловича. Тот долго не отвечал, наконец отозвался каким-то сдавленным, но явно недовольным голосом:

– Але!

– Здравствуйте, Пал Палыч! Это я, доктор Шевченко.

– Да слышу! Чего трезвонишь! Всю рыбу мне распугал!

– А вы что, не в городе? – напрягся Шевченко. Он как-то не подумал, что лето на дворе и Пал Палыч вполне может где-то отдыхать.

– Ну, не в городе... – недовольно подтвердил Пал Палыч.

– А где вы, если не секрет? – как можно миролюбивее попытался уточнить Шевченко.

– Где-где... На даче, рыбу ловлю... Пытаюсь ловить. Да с такими, как ты, попробуй поймай...

– Простите, Пал Палыч... – поспешил извиниться Шевченко и добавил: – У меня дело срочное. Государственной важности дело... и никто, кроме вас, помочь мне не сможет...

– У тебя все дела государственной важности... – проворчал Пал Палыч.

– Пал Палыч, вы же знаете, я хорошо заплачу... – попытался подойти с другой стороны Шевченко.

– Да знаю, потому с тобой и разговариваю... Если бы кто другой меня от рыбалки оторвал, давно послал бы, – вздохнул Пал Палыч.

– Так я сейчас за вами заеду, – поспешил закрепить достигнутое Шевченко.

– Ну, заезжай, что с тобой поделаешь! – проворчал Пал Палыч.

– Диктуйте адрес, – попросил Шевченко.

Через пятнадцать минут он уже выехал на своей темно-синей «ауди» за Кольцевую.

Дача Пал Палыча стояла особняком на окраине деревни, которая постепенно перерождалась в коттеджный поселок. Дом Пал Палыча был одним из последних деревянных строений.

Пал Палыч, седой, но еще очень даже бодрый для своих шестидесяти лет мужчина, уже успел одеться по-городскому, в светлые брюки и тенниску. На голову он предусмотрительно надел белую кепку и сидел на лавочке, у запертой калитки, читая газету. По всему было видно, что он даже не собирался приглашать Шевченко в дом. Когда тот подъехал, Пал Палыч встал,

сложил газету, снял и положил в карман очки и, распахнув передние двери машины, устроился рядом с Шевченко на переднем сиденье.

– Вы простите, я понимаю, в такую жару ехать в город... – попытался прервать довольно напряженное молчание Шевченко.

– Да ладно. Тут мне еще один знакомый следователь позвонил. Тоже просит анализ какой-то гадости сделать. У тебя что там, наркота? – уточнил Пал Палыч.

– Ну да, – кивнул Шевченко, не отрывая глаз от дороги. – Якобы экстази.

– Ну и у него что-то вроде того. Я посмотрю, результаты выпишу... – начал Пал Палыч.

– И я тут же вам заплачу и отвезу назад на дачу, – поспешил успокоить его Шевченко.

– Ну, тогда ладно, – чуть повеселел Пал Палыч и попросил: – Только давай к этому следователю заедем, материал возьмем. Он в больнице, сказал, меня ждать будет.

– Хорошо, заедем, – кивнул Шевченко.

– Там у них какая-то хрень проявилась, в ночном клубе, что ли. Отравились пацаны и вроде как девчонки совсем молодые. И уже сутки или больше в сознание не приходят. Доктора какого-то вызывали, а он вывести эту хрень из организма не может.

– А, ну ясно, – улыбнулся Шевченко. – Значит, задача упрощается. Материал, как я понимаю, один придется смотреть. Одно не пойму, откуда они его взяли... Еще час тому назад руками разводили: нет, мол, у них ничего.

– Ну час тому не было, а теперь появилось... – пожал плечами Пал Палыч.

Не успел Шевченко притормозить, как к его машине из приемного покоя выбежала Крутикова.

– Ой, ну что ж вы так! – возмущенно воскликнула она. – Ничего не сказали, уехали... Трубку не берете...

– Я за рулем был, – пояснил Шевченко.

– А к нам уже из другого ночного клуба еще троих привезли. И у них таблетки были. Следователь эксперта вызвал... – заговорила Крутикова.

– Эксперт – это я, – выходя из машины, сказал Пал Палыч.

– Простите, как вас зовут?

– Пал Палыч.

– А меня Раиса Михайловна...

– Очень приятно, – кивнул Пал Палыч и нежно поцеловал Крутиковой руку, чем немало ее смутил.

– Мне тоже очень приятно, – пробормотала Крутикова и достала из кармана целлофановый пакетик, в котором лежала уже знакомая Шевченко начатая упаковка.

– О... Как интересно! – оживился Пал Палыч.

– Следователь просил, чтобы вы произвели анализ и сообщили результаты мне и доктору Шевченко, – сказала Крутикова.

– А вам зачем? – тоже выйдя из машины и закуривая, удивился Шевченко, не сдерживая ехидной усмешки. – Вы разве разбираетесь в химии?

– Я сообщу о результатах следователю, – чуть смутившись, объяснила Крутикова.

– Понятно, – кивнул Шевченко и поинтересовался у Крутиковой: – А как там наши больные?

– По-старому, – вздохнула Крутикова и попросила: – Вы только поскорее там и, если меня не будет, главврачу звоните.

– А куда это вы собрались, интересно? – спросил Шевченко.

– Я буду в больнице. Просто мне хотя бы несколько часов поспать нужно. Я же сутки уже на ногах, – чуть с вызовом напомнила Крутикова.

– Да ладно. Не смущайтесь... – затушив сигарету, махнул рукой Шевченко. – Это я так... Вам обязательно нужно выспаться, отдохнуть. У вас вон даже глаза покраснели.

– Да, правда?.. – растерянно проговорила Крутикова.

– Да не волнуйтесь, милая дамочка, вам очень даже это идет, – совсем некстати вставил свои пять копеек Пал Палыч, чем окончательно вогнал Крутикову в краску.

– Так, хватит болтать, – резко прервал их Шевченко, сев за руль и заводя машину. – Пал Палыч, поехали! А вы, милая дамочка, спать, спать и еще раз спать!

– Вы только, когда получите результаты, тут же мне позвоните! – выкрикнула Крутикова, поправляя сдвинутую набок круто накрахмаленную шапочку.

Шевченко только покачал головой. Его заинтриговало то, что таблетки, которые изъяли оперативники у пострадавших посетителей какого-то другого клуба, похоже, относились к той самой партии, что и таблетки, которые он выкупил у Лары. Чем больше материала, тем более точный анализ можно будет сделать. Но если речь идет не об одной-двух упаковках, а о целой партии, еще могут быть, а может, и есть уже где-то, и не только в Москве, пострадавшие. Теперь они ехали в лабораторию, которая располагалась в бывшем детском саду на окраине Москвы.

– Вот же женщины... – между тем хмыкнул Пал Палыч. – Тут люди при смерти, а она про цвет глаз думает...

– Пал Палыч, а как скоро мы сможем получить результаты? – перебил его, настраивая на деловой лад, Шевченко.

– Погодите, дети, дайте только срок: будет вам и белка, будет и свисток, – продолжал балагурить Пал Палыч.

– Я у вас серьезно спрашиваю, – не скрывая раздражения, заметил Шевченко.

– А я серьезно отвечаю! – сказал Пал Палыч, который терпеть не мог, когда его одергивали или подгоняли. – Как я понял по твоей реакции, у тебя что-то подобное?

– Ну да, похоже, таблетки из одной партии... – кивнул Шевченко, паркуясь у бывших детсадовских ворот со смешными гномиками, слева от которых висела доска с длинным названием филиала научно-исследовательского института. Но это было лишь прикрытие. На самом деле в этом здании располагалось несколько современных лабораторий с новейшим оборудованием. Поэтому видеонаблюдение велось уже от самых ворот.

– Ты, конечно, будешь стоять у меня над душой? – вздохнул Пал Палыч, обреченно взглянув на Шевченко.

– Могу и в машине вас подождать, – пожал плечами Шевченко.

– Нет уж, пойдем, – сказал Пал Палыч. – Мне веселей будет. И потом, может, ты быстрее придумаешь, как эту хрень вывести...

– Да, лучше мне пойти с вами, – согласился Шевченко, выходя из машины.

Когда они подошли к входу, Пал Палыч набрал код, и двери открылись. У дверей сидел дежурный, который, привстав из-за стола, буквально оцупал их взглядом.

Пал Палыч взял у дежурного ключ, и они поднялись на второй этаж, где за железными дверями мигала лампочка сигнализации.

– Серьезно у вас здесь, – заметил Шевченко.

– Да, никуда не денешься, теперь наркота дороже золота, – вздохнул Пал Палыч.

Кабинет был довольно просторный. У зарешеченного окна стоял солидный стол с микроскопом и целой батареей пустых и наполненных разными веществами пробирок и колбочек. Сбоку умещался еще и ноутбук.

– Я смотрю, у вас ни одна пробирка не подписана, вы что, все в голове держите? – удивился Шевченко.

– Приходится, – пожал плечами Пал Палыч.

– Поделитесь секретом, как это вам удастся? – попросил Шевченко. – А то я замучился на каждую пробирку метки ставить.

– Мой секрет прост, – сказал Пал Палыч, доставая из шкафа и надевая круто накрахмаленный белоснежный халат, – я сюда никого не пускаю. И пол сам мою, и посуду, и пыль вытираю.

– Нет, – покачал головой Шевченко, – это не по мне. Для меня пол мыть и пыль вытирать еще хуже, чем метки ставить.

– Ладно, хватит болтать, – махнул рукой Пал Палыч. – С чего начнем?

– Давайте с моей. Что там вам менты-понты, как выражается одна моя знакомая, вам передали, я не знаю. А у меня вещество, похоже, именно то, которое сейчас мы из организма пострадавших не можем вывести.

Пал Палыч взял у Шевченко серебристую упаковку с таблетками, повертел ее в руках и усмехнулся:

– Странно...

– Что странно? – спросил Шевченко.

– Да знакомая бумажка.

– В смысле?

– В смысле... В такой упаковке в девяностые годы экстази местного производства ходило. Но оно по качеству, скажу тебе как химик медику, качественнее зарубежного было. И, по моему, никаких эксцессов тогда не наблюдалось.

– Но вам же его кто-то для экспертизы приносил?..

– Приносили. Из органов. Они хотели на след производителей выйти. Я тогда только подтвердил, что продукт местного, но высокопрофессионального производства, состав назвал. Они потом, насколько помню, все-таки вышли на производителей. Какой-то цех подпольный работал. И там опытные химики-органики подвизались. Вроде даже кого-то посадили тогда...

Пал Палыч, как истинный профессионал, говорил и между тем делал дело. Он достал одну из таблеток, положил в фарфоровую ступку, растер в ступке и специальной стеклянной лопаткой всыпал маленькие порции порошка в пробирки с разными растворами. Шевченко присел на стоящий в углу стул, внимательно наблюдая за тем, что происходило. Через несколько минут Пал Палыч взял в руки пробирку с прозрачным, но, похоже, вязким раствором, на дне которой выпал серый, пепельный осадок, и, вздохнув, показал Шевченко:

– Вот, видишь, эта гадость и не выводится. Сразу видно, кустарная работа. Тот самодельный психоделик, который я исследовал в девяностые годы, такого осадка не давал.

– И что теперь? – встал со своего места Шевченко.

– Подожди, сейчас посмотрим, что нам та докторша симпатичная передала.

С этими словами Пал Палыч достал таблетки, изъятые оперативниками, и с одной из них проделал то же самое – растолок ее уже в другой ступке и рассыпал порошок по пробиркам. И опять в пробирке с прозрачным вязким раствором остался теперь уже не светло-, а темно-серый осадок.

– Ну вот, я так и думал, – озабоченно покачал головой Пал Палыч.

– Что вы думали? – подхватил Шевченко, наклоняясь над столом.

– Это полная кустарщина. Только упаковка старая, девяностых годов. А сделано грязно... Вещества вроде те же, но тот, кто их синтезировал, поленился конечный продукт очистить. А вот эту грязь из организма попробуй выведи. Но мы сейчас что-то придумаем.

«Сейчас» растянулось до поздней ночи. У Пал Палыча в специальном холодильнике-сейфе хранился довольно богатый выбор адсорбентов. И в конце концов они подобрали тот, который был способен по крайней мере отчасти микшировать воздействие самопального экстази.

В конце концов Шевченко взял у Пал Палыча несколько упаковок с ампулами отобранного вещества. Пал Палыч знал, что у Шевченко тоже есть запасы нужных ему лекарств, поэтому согласился на адекватный обмен.

Взглянув на часы, Пал Палыч вздохнул и недовольно проворчал:

– Только вот ночевать придется теперь в городе...

– Я завтра с утра вас отвезу на дачу, – пообещал доктор Шевченко.

– Что мне твое утро... Твое утро – мой день. Клев прозеваю, – продолжал ворчать Пал Палыч.

– Ну, давайте я раньше приеду... – начал было Шевченко, но Пал Палыч его прервал:

– Да не переживай! Занимайся своим делом. Я же вижу, зашиваешься. А меня завтра друг подбросит. Да, чуть не забыл. Я здесь написал заключение. Передай этой вашей докторше. Пусть оперативников обрадует.

Шевченко подбросил Пал Палыча до его городской квартиры, а сам направился в клинику. Крутикова, очевидно, успела не только отоспаться, но и принять душ и подкраситься, потому что выглядела отдохнувшей, свежей и готовой снова флиртовать. Но Шевченко было теперь не до того. Он передал записку Пал Палыча для оперативников и попросил:

– Одноразовые шприцы, срочно! Я сам сделаю инъекции.

Сделав уколы все еще пребывавшим без сознания пациентам, доктор Шевченко оставил в каждой из палат, где те лежали, по дежурной медсестре и устроился на диванчике в ординаторской.

Однако поспать ему не удалось. Уже через полчаса прибежала медсестра и с ужасом сообщила:

– Там они в себя приходят. Рвота началась, понос и... какие-то странные они все...

– Вы что, их одних оставили?! – вскакивая с дивана, возмутился доктор Шевченко.

– Да нет, там и медсестры и врачи возле них... Меня за вами послали... – покраснела медсестра.

Всю ночь медперсонал пытался облегчить страдания несчастных. Две девушки, из тех, что привезли первыми, скончались. А все остальные, как стало ясно к утру, нуждались в помощи психиатров. Их преследовали галлюцинации, и стоило большого труда удержать их от резких неадекватных действий.

– Глаза у них у всех какие-то мутные... – заметила Крутикова.

– Да... – покачал головой Шевченко. – А глаза у нас что? Зеркало души. Так что, увы, теперь они все пациенты совсем другой клиники.

Под утро в клинику доставили еще двух девушек, которые, судя по их боевой раскраске, тоже провели ночь в одном из клубов и наглотались все тех же таблеток. Сделав им уколы, доктор Шевченко понадеялся, что хотя бы им удастся сохранить психику здоровой.

Глава 3

Когда Слепой подъехал к кафе, генерал ФСБ Потапчук в своем светлом летнем костюме с неизменным потертым портфельчиком уже сидел за столиком, но почему-то не внутри, а на открытой веранде и читал газету. Глеб Сиверов, припарковав свой «фольксваген», даже не сразу вышел, но, осознав, что Потапчук и не собирается входить внутрь кафе, не снимая темных очков, направился к его столику.

– У вас свободно? – спросил Глеб.

– Свободно, Глеб, садись, – кивнул Потапчук, складывая газету.

– Не понимаю. Что за дела? – присаживаясь и чуть понизив голос, спросил Глеб. – Нас же могут вычислить...

– Уже вычислили. Уже пасут, – сообщил Потапчук, который, когда улыбался, был скорее похож не на генерала, а на школьного учителя, – вон те двое за угловыми столиками. Один в синей майке, а другой – в черной рубашке с закатанными рукавами.

– И вы так спокойно об этом говорите? Я вас не узнаю, – покачал головой Глеб.

– Расслабься, так надо. Тут меня, да и тебя заодно, я так понимаю, на вшивость кто-то хочет проверить. Не будем создавать им лишние сложности. Пусть проверяют. Отчитаются. Премия получат. А нам с тобой главное дело нужно делать. Но, учитывая, что кто-то нас будет контролировать, дело это более чем серьезное. И люди в него втянуты серьезные. И нужно быть готовым к тому, что, если мы слишком глубоко копнем, они вой подымут, тебя или нас подставят... я не знаю, до какой ступени им будет интересно знать правду. Главное, они верят в то, что мы способны им помочь...

– В чем помочь-то? Не говорите загадками... – проговорил Слепой. – Времени у меня в обрез. Я чуть ушел от своего невесть откуда свалившегося на меня напарника.

– И напарник твой – звено из той самой цепочки, и тебе придется ввести его в курс дела и быть перед ним максимально открытым. Хотя кое-что, как ты понимаешь, будет оставаться лишь между нами.

– И как я, интересно, узнаю, что можно мне ему сообщать, а что уже нежелательно? – пожал плечами Глеб.

– Давай закажем кофе и вместе очертим, как говорится, и круг ближний, и круг дальний, – проговорил Потапчук.

– Я бы еще бутылочку холодной минералки заказал, – вздохнул Слепой.

– Ну, это ты прямо не в бровь, а в глаз, – улыбнулся Потапчук и, подозвав официанта, попросил: – Нам два кофе и бутылочку минералки. Если можно – побыстрее.

Официант, не медля, принес запотевшую бутылку минералки и два стакана, а кофе подал через несколько минут.

– Ну что ж, Глеб, теперь к делу, – сказал Потапчук, выпив стакан холодной минералки и сделав пару глотков кофе.

– Да, я весь внимание, – кивнул Глеб, стараясь не смотреть на наблюдавших за ними парней. Столько сил они с генералом Потапчуком потратили, чтобы их не вычислили, и теперь говорить о деле вот так, можно сказать, под колпаком, было более чем неприятно. Но если Потапчук дал понять, что так надо, значит, так надо.

– Ты, Глеб, как с наркотиками, на «вы» или на «ты»? – начал Потапчук.

– Смотря с какими, – улыбнулся Слепой.

– Ну, насколько мне известно, наркоманов ты за свою жизнь изрядно повидал... – сказал Потапчук, – и как ведут они себя – знаешь.

Слепой молча кивнул. Все, что было связано с наркотиками, вызывало у него острую душевную боль. Когда-то давно, еще в конце девяностых годов, когда был совсем молод, можно

даже сказать, юн и неопытен, именно из-за наркотиков он потерял одного очень близкого своего друга и девушку. Ту давнюю историю он старался не вспоминать, но, когда дело касалось тех, кто распространяет эту дурь, хотел он того или нет, из подсознания всплывали жуткие картины тех давних лет, когда он практически в одиночку пытался вытащить близких ему людей из этого бездонного омута.

– Дело более чем серьезное. Похоже, в доле там весьма серьезные люди. Интересно узнать, у кого же из наших фээсбэшников рыльце в пушку. Но это тебя уже не касается. Этим займусь я, – предупредил Потапчук.

– А я, надо понимать, буду чем-то вроде приманки? – заметил Слепой.

– Дорогой мой, без приманки крупную рыбу не поймает, – назидательно сказал Потапчук.

– Ладно, это не суть важно, – остановил его Слепой. – Давайте о деле.

– По сведениям агентов ФСБ, Люберцы стали воротами поставки в Москву паленого наркотика экстази...

– Паленая водка – это ясно. Но паленый наркотик... – покачал головой Слепой.

– Да, где-то на необъятных просторах России производят некачественный и очень опасный продукт, – продолжил Потапчук. – Препарат угнетающе и, более того, крайне разрушительно воздействует на кору головного мозга. Те, кого удалось спасти, практически полностью утратили разум.

– По-моему, все наркоманы, чем бы они ни баловались, утрачивают разум... – заметил Слепой.

– Да, – кивнул Потапчук, – но тут разница в том, что действие почти всех известных наркотиков специалисты научились, как бы сказать, блокировать... А если наркотик сделан в кустарных условиях, его воздействие непредсказуемо и человек даже после приема одной таблетки может на всю жизнь остаться инвалидом.

– Да знаю я это все, знаю... – кивнул Слепой.

– Есть сведения, что в Люберцы вот-вот должна поступить новая партия этой дряни. Более того, известен адрес наркобарона. Однако сейчас важно выявить сеть наркодилеров, всех, кто получал у него товар. Ведь наркотики могли осесть у кого-то на складе, на даче, даже на квартире. Поэтому придется включиться в игру, – проговорил Потапчук, допивая кофе.

– В игру – говорите... – задумчиво пробормотал Слепой. – Что ж, примерю на себя робу наркодилера... Давайте адрес.

Потапчук протянул Глебу бумажку с контактными телефоном и адресом. Слепой прочитал и изменился в лице.

– Что такое? – чувствуя, что здесь что-то не так, поспешил спросить Потапчук.

– Я знаю и этот телефон, и этот адрес, и самого барона... – покачал головой Слепой.

– Это же неплохо... – удивился Потапчук.

– Но он, этот барон, меня тоже знает. Думаю, узнает даже по голосу... – сказал Слепой и предложил: – А может, мне этого пацана, что ко мне в напарники напросился, к нему отправить?

– Неплохая идея, – как-то слишком уж быстро согласился Потапчук. – Заодно и проверишь его, как говорится, в деле.

Было даже странно, что люберецкий авторитет по кличке Хозяин с долгопамятных для Слепого нулевых лет даже не сменил адрес. Хотя, судя по тому, как порой тесно в последнее время переплетались интересы правоохранителей и тех, кто нарушает это самое право, если Хозяин оставался на воле, значит, это кому-нибудь было нужно. Вполне возможно, что Хозяин существовал в виде так называемого магнита, к которому притягиваются винтики и шпунтики огромной, четко отлаженной наркомашины. Это весьма удобно: едва только на горизонте начи-

нает маячить новый искатель легкой наживы, и он тут же оказывается в поле зрения правоохранительных органов. Хочешь, требуй с него процент со сделок, хочешь, показательно забирай под стражу, чтобы другим неповадно было и процент раскрываемости рос.

Тогда, в нулевые, Слепой должен был нейтрализовать одного из подельников Хозяина. И обстоятельства сложились таким образом, что он ранил убежавшего преступника, смертельно ранил прямо на глазах у Хозяина, который тут же сделал вид, что не знает этого человека. Слепой же точно знал, что Хозяин имел с ним тесные, даже слишком тесные отношения. Но вывести на чистую воду Хозяина тогда ему было не с руки. Однако Хозяин хорошо, даже очень хорошо его тогда запомнил. И теперь разыгрывать перед ним наркодилера не было никакого смысла. Так что, хочет он того или нет, внедряться к Хозяину придется рыжему Степану.

Уже в машине, по дороге домой, Слепой прикинул, что стоит, а что нет сообщать о Хозяине Степану. Солидные клички обычно выбирают для себя люди закомплексованные и, в общем-то, невзрачные. И Хозяин, на самом деле Вадим Константинович Грушин, был невысокого роста, имел довольно шуплое телосложение и мелкие черты лица. Солидности ему не придавали ни костюм с галстуком, ни шляпа, ни сурово сдвинутые над серыми, со стальным блеском глазами брови, ни его манера то и дело сплевывать на землю и материться по-черному.

О его довольно суровом криминальном прошлом свидетельствовали разве что наколки на теле. Слепой всегда предпочитал иметь о людях, которые попадали в круг его интересов, максимум информации, но все, что удалось ему тогда узнать, – это то, что Хозяин был из люберецкой братвы первого разлива, первый срок мотал еще по малолетке. А позже одной из статей, по которой его судили, была и организованная преступность. В общем, и то, что в авторитетах он ходил, и то, что кличку ему еще в юности дали Хозяин, не случайно. Но Степану, как понимал Слепой, эту свою осведомленность показывать совсем необязательно. Чем меньше тот будет знать, тем естественнее будет себя вести.

Однако, прежде чем включать Степана в игру, Слепой направился в один из ночных клубов, где охранником работал один из его давних и надежных осведомителей Валера.

Чтобы особенно не светиться возле клуба, Слепой перезвонил Валере и попросил выйти в расположенный неподалеку сквер. Когда Слепой припарковался, Валера уже сидел на лавочке и курил. Он был чем-то очень встревожен.

– Вы, наверное, насчет тех, что экстази траванулись? – пожав руку, спросил Валера.

Слепой кивнул и проговорил:

– И не только.

– Нас сегодня полиция уже допрашивала. И сейчас все под колпаком. Может, даже хвост приставили. Так что спрашивайте; о том, что знаю, расскажу и побегу.

– Так что там у вас случилось? – спросил Слепой, прикуривая у Валеры.

– Да вчера под утро, как всегда, эти молокососы дошли до состояния, когда уже с ног валяются, а домой ползти не хотят, и решили колес заглотнуть. Обычных, экстази. И тут их как понесло. Громить все начали. Я дежурил. Вошел в зал, а они крушат все подряд. Бросились их успокаивать, кто-то полицию вызвал. А эти брык и отключились. Ну следом за полицией «скорую» пришлось вызывать. Я разных под кайфом повидал, но чтобы так от экстази колбасило... Наверняка какой-то левый товар... – покачал головой Валера.

– А это точно экстази было? – спросил Слепой.

– Экстази, – подтвердил Валера и, оглядевшись по сторонам, показал Слепому серебристую упаковку с таблетками. Слепой хотел уже было взять, но Валера оторвал от нее две таблетки, а остальное спрятал в карман.

– Откуда у тебя? – удивился Слепой, пряча таблетки.

– От верблюда, – хмыкнул Валера.

– Понятно, – кивнул Слепой. – Берешь борзыми щенками. У наркодилеров, да?

– Все вам знать надо... – недовольно pokrutil головой Валера.

– Да не волнуйся. Я тебе заплачу. И за информацию, и за таблетки. Ты же только остальные никому смотри не подсунь. Если они действительно, как ты говоришь, паленые, сгоришь синим пламенем, – предупредил Слепой, протягивая Валере несколько купюр. – Только мне надо знать, кто этот товар к вам в клуб принес. Имя. Или, как там у вас принято говорить, погоняло.

– Да не знаю я его. Первый раз видел, – отвел взгляд Валера, пряча в карман деньги.

– Ну, прям так и не знаешь! – не поверил ему Слепой. – Первый раз человека увидел и сразу у него наркоту взял и в клуб пустил? На тебя непохоже. Тут дело пахнет керосином. ФСБ интересуется. Так что давай все, что знаешь и даже не знаешь, выкладывай как на духу.

– Как это, чего не знаешь, выкладывай? – хмыкнул Валера.

– Мне интересны не только факты, но и твои предположения, – пояснил Слепой.

– Ну, Сморчок это был, – нехотя выдавил из себя Валера. – Рыжий такой, в сером свитере все время ходит.

– А почему Сморчок? – уточнил Слепой.

– Сморкается он все время. Аллергия у него, что ли... – сказал Валера, докуривая и бросая окурочек в урну. – Все. Ни как зовут, ни где искать его – не знаю. Он сам приходит. Вчера, то есть позавчера, был, вчера и сегодня – не было.

– Ну, допустим, ваше сегодня начнется только вечером, когда люди соберутся, – напомнил Слепой.

– Это да, – кивнул Валера, – но я сомневаюсь, что со всеми этими событиями Сморчок появится.

– Ну, на всякий случай ты мой телефон знаешь. Позвонишь, если что, – предупредил Слепой. – Это важно, Валера, архиважно.

– Я уже понял. Позвоню, – кивнул Валера и, пожав на прощание Слепому руку, оглянулся: – У меня такое чувство, что за нами все время следят.

Слепой тоже огляделся, но ничего подозрительного не заметил.

– Подожди, – остановил он Валеру. – А ты не в курсе, где этот твой Сморчок товар берет?

– Да вы что?! Смеетесь? Кто это мне будет отчитываться про товар? – хмыкнул Валера.

– А может, как и большинство, в Люберцах, у Хозяина? – пошел ва-банк Слепой, которому все время казалось, что Валера чего-то недоговаривает.

Валера, очевидно, не был готов к такому резкому повороту и растерялся.

– Ладно, об этом потом, – кивнул Слепой, который и без Валериных уточнений понял, что Валера знает о существовании Хозяина, да и о том, что Сморчок может быть с ним связан, по меньшей мере предполагает. – Мне важно знать, какой пароль или там ключевое слово нужно сказать Хозяину, чтобы он или его люди поверили и без вопросов дали товар.

Валера начинал нервничать, но он понимал, что Слепой, который, как он считал, представлял каких-то очень влиятельных людей, не отвяжется, да и наркота была слишком опасная, поэтому решил не играть больше в кошки-мышки.

– Я вчера подслушал случайно, что новую партию ждут сегодня или завтра. Кому они звонят, не знаю. Но если тебе нужна наркота, ты говоришь, от кого пришел, и спрашиваешь: «Рюкзак нужен?»

– Понял, – сказал Слепой.

– Мне надо идти, – напомнил Валера.

– Да, иди, спасибо за информационную поддержку, – кивнул Слепой и добавил: – Ты же знаешь, я в долгу не останусь.

Валера нехотя кивнул в ответ и поспешил к клубу.

Слепой же вернулся к машине и поехал домой, где, как он понимал, уже волновался, поджидая его, Степан.

Степан действительно был уже дома, но он почему-то не стал расспрашивать Глеба, где тот был и с кем встречался.

– Я тут пельмешек наварил, – сказал он. – Давай присоединяйся.

– Спасибо, – кивнул Слепой, думая, как бы лучше ввести Степана в суть предстоящей операции.

Но, как оказалось, времени на раздумье у него не было, поскольку, едва он помыл руки, позвонил Потапчук и сообщил:

– Товар прибывает сегодня. Так что действуй по обстоятельствам. Но, по-моему, сегодня идеальный вариант внедрения.

– Я понял, – кивнул Слепой, направляясь на кухню.

На столе стояли две тарелки с еще дымящимися пельменями и баночка сметаны.

– Садись ешь, а то остынет, – пригласил Степан, щедро накладывая сметану на свои пельмени. – Только хлеб я забыл купить...

– У меня в хлебнице немного осталось, – сказал Слепой, доставая и нарезая хлеб и прикидывая, как начать разговор со Степаном.

– Чего смурной такой? – спросил Степан.

– Дело для нас есть. Точнее, для тебя, – сказал Слепой, присаживаясь к столу и пододвигая ближе тарелку с пельменями.

– Я весь внимание! – напрягся Степан и даже отложил в сторону вилку.

– Да нет, ты ешь, ешь, – махнул рукой Слепой. – Я, знаешь ли, не люблю рассусоливать. Поэтому буду краток, а ты попытайся ловить все на лету, чтобы мне потом не повторять. И еще. Если хочешь со мной работать, не задавай вопросов «зачем?» и «почему?». Тебя должно интересовать только «где?», «когда?», «что делать?»

Степан молча кивнул.

– Позвонишь по этому телефону, – сказал Слепой и назвал по памяти номер телефона, который показал ему Потапчук, – и скажешь, что ты от Сморчка. А дальше спросишь: «Рюкзак нужен?»

– Понял, – кивнул Степан. – Когда это нужно сделать?

– Вот доешь пельмени и позвони... – распорядился Слепой, затем на мгновение задумался и достал из кармана мобильник, симка которого была зарегистрирована на подставное лицо. – Вот с этого телефона.

Доев пельмени, Степан взял у Слепого мобильный и на удивление четко и точно выполнил все то, о чем тот просил. Слепой не мог не заметить, что, как только Степан начал звонить, с его лица бесследно исчезло чуть глуповатое выражение. Он был сосредоточен и серьезен.

Чтобы слышать разговор, Слепой включил громкую связь. И уже по первому недовольному хрипловатому «Але!» понял, что откликнулся сам Хозяин. За эти годы голос у него практически не изменился.

– Здравствуйте. Я от Сморчка. Рюкзак нужен? – деловым тоном проговорил Степан.

– Вечером, в одиннадцать-двенадцать, приходи, рюкзак... – будто с издевкой сказал Хозяин и отключился.

– Сказал приходи, – повторил Степан, тоже выключив телефон. – Только вот, куда прийти, не сказал.

– Я знаю куда, – заверил его Слепой.

– Это как-то связано с наркотиками? – чуть понизив голос, спросил Степан.

– Много будешь знать – скоро состаришься. А ты мне нужен молодым и здоровым, – проговорил Слепой, прикидывая, насколько можно открыть перед Степаном карты.

– Да нет, просто, чтобы исполнить какую-то роль, а я так понимаю, должен буду это сделать, мне нужно точно знать, кого играть.

– Хорошо, – кивнул Слепой. – Тебе действительно придется исполнить роль наркоторска. Я поеду с тобой...

– В Люберцы? – проявил неожиданную осведомленность Степан.

Слепой пристально глянул на Степана и кивнул. Теперь не было времени интересоваться, откуда Степан знает о Люберцах.

– Я поеду с тобой и буду тебя страховать. Кроме тебя, как я предполагаю, туда приедут еще несколько человек. Будешь действовать, как они. Возьмешь товар и вернешься сюда, на эту квартиру. А я сяду на хвост одному из твоих «коллег»...

– Понял, – кивнул Степан и направился в прихожую.

– Твоя задача – как можно раньше получить товар и вернуться домой. Дальше будем действовать по обстоятельствам.

Учитывая высокое качество и надежность московских пробок, чтобы приехать в Люберцы к назначенному времени, нужно было уже выезжать. По дороге они заехали в магазин и купили обычный школьный рюкзак яркого кислотного цвета.

Теперь их ждали легендарные Люберцы.

Степан, нацепив на спину рюкзак и устроившись в машине на заднем сиденье, неожиданно развеселился и, когда они снова тронулись с места, сначала просвистел, а потом пропел:

*Сшей мне, мама, клетчатые брюки,
Я в них по Люберцам пройду!*

И, продолжая дурачиться, спросил:

– Может, мне еще брюки в клеточку купить?

– Ты думай, как себя вести, чтобы в первую же секунду тебя не раскололи, – одернул его Слепой, вырвав на главную дорогу.

Глава 4

Самым мучительным для Макса – еще недавно Лущика, а теперь Виннера – после того, как он перебрался на постоянное местожительство в Штаты, были сны о его советском детстве. В последнее время его начало буквально преследовать одно и то же утреннее видение. Ему снилось, как они с Федором и отцом едут на их стареньком зеленом «жигуленке» забирать из роддома их младшего брата – Рыжего. Его по имени они никогда и не называли... Рыжий, Рыжик... Во сне все было таким реальным, что казалось, он даже чувствует запах бензина. Но самым главным было чувство абсолютной гармонии и счастья, потому что рядом сидел Федор. Он чувствовал его плечо, все его тело, он крепко сжимал его руку. Они с Федором были близнецами, и поэтому, сколько Макс себя помнил, рядом всегда был Федор. Мама, отец ходили на работу, ездили в командировки, а Федор был рядом. Дома, на улице, в детском саду, в школе и даже в университете, куда они поступили учиться на химфак, Федор был рядом. Федя, как утверждала мама, родился на пять минут раньше, чем Макс, и поэтому его можно считать старшим. Но Федор и сам всегда почему-то чувствовал себя и вести старался как старший. Когда Макс с Рыжиком хулиганили, что-нибудь ломали, Федор брал всю вину на себя. Родители, скорее всего, догадывались, кто виноват на самом деле, но почему-то делали вид, что верят Феде. Они с Федей пошли в маму и были похожими как две капли воды. Оба светловолосые, голубоглазые, с резкими, чисто арийскими чертами лица. А вот Рыжик пошел в отца, он и в самом деле был солнечно-рыжим. Однако во сне они еще только ехали забирать младшего братика. Эта поездка в роддом за Рыжим, казалось, была бесконечной, но тут кто-то чужой, реальный вдруг грубо тронул его за плечо. И звонко, резко, на чужом, английском языке прямо над ухом зазвучало противное:

– Макс, вставай!

За годы, что он провел в Америке, Макс так и не привык к голосу своей заокеанской жены, которая в свое время спасла его от тюрьмы, а может, и от смерти, но так и не стала близким, тем более родным человеком. Как не стали родными и ее двухэтажный дом под Нью-Йорком, ее химическая лаборатория, где он имел возможность проводить любые опыты. Больше всего Макс был рад тому, что они с Хилари не имели детей. Это позволяло ему чувствовать себя свободным. Ведь это она, Хилари, приехав в Москву на одну из научных конференций, предложила ему переехать в Америку. Ей нужен был высококлассный химик для создания новых лекарств, а ему тогда нужно было срочно уезжать за границу. Он успел взять фамилию жены и уехал. А Федор остался. И опять, как в детстве, один понес наказание за всех. Макс тяжело вздохнул. По его подсчетам, сидеть Федору оставалось меньше года. Как только Федор выйдет, он заберет надежно спрятанные деньги и, несомненно, поделится с ним, Максом. И тогда Макс сам сможет открыть лабораторию. Хоть здесь, в Америке, хоть там, в России. И тогда он наконец разведется с ненавистной Хилари и не будет каждое утро слышать ее резкий, скрипучий голос...

– Макс, вставай! – повторила Хилари и недовольно проворчала: – Как же вы, русские, любите спать! Ты что, забыл, что к нам сегодня приедет мистер Смит? Мы должны предоставить ему результаты наших экспериментов! Ты же знаешь, если качество нашего нового лекарства его удовлетворит, мы получим много-много денег!

– Опять деньги! – недовольно проворчал Макс, поднимаясь с постели.

Хилари уже была в своем элегантном сером брючном костюме, подкрашена и надушена. За эти годы он так и не понял, чем же пахнет ее тело. Всегда только этот приторный с горчинкой сандаловый запах.

Подтянутая, жилистая – настоящая американка с холодными серо-голубыми глазами и таким неприятным резким голосом. Если бы тогда, в России, она сама не предложила ему переехать в Америку, он бы ее и на ужин в ресторан пригласить не решился бы.

Завтрак, даже в выходные, из разогретых полуфабрикатов, секс – под записанные на видео вульгарные порнографические вздохи... Страшно подумать, что, не дай бог, с такой женщиной придется остаться до скончания века. Лекарства, которые они с Хилари создавали в принадлежавшей когда-то ее отцу лаборатории, были рассчитаны на то, чтобы снимать боль.

Хилари, не отвечая на его ворчание, развернулась и, постукивая каблучками, вышла. Пока он умывался и принимал душ, она ожидала его на кухне. На столе стояли два стакана со свежесжатым апельсиновым соком и красивые белые тарелки, на которых лежали несколько ярко-зеленых листьев салата и серые горки овсяной каши. Вместо кофе Хилари в последнее время перешла на зеленый чай. Правда, ему милостиво позволяла выпить за день несколько чашек кофе. Ей надо было, чтобы его ум оставался ясным и быстрым, а без кофе и сигареты, она уже это поняла, Макс мог зависнуть, как компьютер.

Ради пользы дела Хилари даже смирилась с тем, что раз в месяц Макс уходил, как он выражался, в загул. Это мог быть ночной клуб, крепкие напитки, лучше всего виски или русская водка, проститутки... Ее это мало заботило. Главное, что через день-другой Макс возвращался бодрым, спокойным и снова работал.

– Макс, ты очень раздражен, – покачала головой Хилари, заваривая ему кофе.

– Тебе показалось... – сказал Макс, возвращаясь с горьковатым запахом свежесваренного кофе в свой утренний сон, в пропахшие бензином «Жигули», где он держал за руку своего брата Федора.

– Может, пришло время уйти в загул? – спросила Хилари. – Встретимся сегодня с мистером Смитом, сделаешь пробную партию и можешь, как ты говоришь, оторваться со своими друзьями по полной.

– Да ладно... – махнул рукой Макс, – разберемся.

Неизвестно, что имела в виду Хилари, но друзей у Макса здесь, в Америке, не было. Несколько лет назад он познакомился с русским врачом Дмитрием Шевченко, который приезжал сюда на стажировку. Вместе, конечно, им было веселее, но Шевченко не стал ему другом, так, приятелем. Дмитрий занимался наркотиками, о которых Макс еще со студенческих лет знал практически все, хоть и не решился признаться в этом Дмитрию. А когда тот уехал в Россию, Макс лишь чисто формально отвечал на все его электронные письма. Лучшим и надежнейшим другом для Макса здесь, в Америке, оставалась разве что сигарета.

– Мистер Смит собирается в Африку, – продолжала вещать неугомонная Хилари, – и ему нужна партия нового препарата. Ты успеешь за несколько дней?

– Успею, – кивнул Макс.

– Я уверена, что новый препарат принесет нам неплохой доход... – сказала Хилари, допивая свой зеленый чай.

– Что, твой Смит опять на негритятах будет лекарство испытывать? – перевел Макс разговор на другое. Его давно напрягало, что все лекарства, которые разрабатывались в их лаборатории, с ходу проверялись на живых людях.

– Макс, – строго оборвала его Хилари, – ты же не маленький и прекрасно знаешь, сколько больных людей ждут это лекарство. И чем скорее оно будет испытано, тем скорее попадет к тем, кто в нем нуждается.

– Но ведь мистер Смит всегда просит нас что-нибудь усовершенствовать. Ведь это значит, что, возможно, там, в Африке, кто-то остается страдать... – начал Макс.

– Ну зачем вы, русские, все всегда усложняете? – раздраженно спросила Хилари. – Не думай о том, о чем не следует думать. Выполни свою работу, а мистер Смит выполнит свою.

Думай лучше о том, как мы потратим деньги, которые он нам заплатит. Хочешь, купим домик на берегу океана?

– Да нет, я предпочел бы квартиру в центре Москвы, – вздохнул Макс.

– Ты это серьезно? – напряглась Хилари.

– Да нет, шучу, – покачал головой Макс и попытался улыбнуться: – Ну что, поехали?

– Да-да, поехали, – кивнула Хилари и предупредила: – Только едем на моей машине и я за рулем. А то ты какой-то сегодня неадекватный.

Макс сел на заднее сиденье, и откуда-то наплывший резкий запах бензина опять напомнил ему его утренний сон и брата Федора, который сейчас отбывает наказание за их поставленные на поток химические эксперименты. Хотя ведь не Федор, и даже не он, Макс, а их однокурсник Вован был тогда в конце девяностых годов главным инициатором и организатором всего дела. А потом он же и сдал их всех с потрохами, сам же сухим вышел из воды. Правда, Федор был уверен в том, что те деньги, на которые Вован рассчитывал, ему не достались. И поделом. Ведь хотя Вован и организовал все, нашел место, средства, опираясь на какого-то высокопоставленного и богатого покровителя, но потом работали только они с Федором. Рискуя здоровьем и даже жизнью, занимались очисткой высокотоксичных веществ, приводили все в соответствие с зарубежными аналогами. А он приезжал, забирал товар, платил деньги... Да, деньги-то платил им Вован. И сколько он по пути прикарманил, никто не знает. Ну да ладно, выйдет Федор – вместе они разберутся. Макса передернуло, когда он вспомнил, как однажды они с Федором увидели, как Вован по журнальным записям пытался в их отсутствие сварганить препарат из практически не очищенных составляющих. Страшно подумать, что бы было, если бы этот психоделик появился на рынке. Но после Федино ареста их лабораторию, надо понимать, уничтожили – Вован, конечно же, указал, где она находилась. А новое дело ему без них организовать слабо.

И снова Макс вздохнул. Если он вернется в Россию, Федор разыщет припрятанный чемодан. У них будут деньги. И пусть Федор делает что хочет, а он, Макс, устроится в какую-нибудь тихую научную лабораторию или пойдет преподавать в университет. И будет заниматься чистой наукой. Никакого криминала, никакого риска, никаких экспериментов на грани фола...

Макс задремал, и ему опять показалось, что он едет с отцом и Федором забирать из дома младшего брата, Рыжего... А где он, Рыжий, теперь и чем занимается, Макс не имел никакого понятия. Он открыл глаза, глянул в окно на ухоженные придорожные посадки и понял: он не в России, он в Америке. И дело не в русских березках, а в том, что – и это больше всего его здесь раздражало – здесь, в Америке, не затормозишь у дороги, не пройдешься по лесу просто так, для души. И дорога, и деревья у дороги, и виднеющееся вдаль озеро – все это частные владения. И за то, чтобы сорвать придорожный цветок, придется заплатить... Здесь невозможно расслабиться. Даже напиться толком у него здесь никогда не получалось. Бетон и стекло, любимые американские стройматериалы... Да они не дома – души из них пытаются строить!

– Макс! – неожиданно окликнула его Хилари. – Ты только мистеру Смиту не вздумай свой спич про бедных африканских детей повторять. Ты не хуже меня знаешь, как нам важно именно сейчас поддержать свой имидж...

– Да успокойся ты, Хилари! Я же понимаю, что от того, что я расскажу мистеру Смиту о своих переживаниях, ничего не изменится. Он все равно поедет в Африку и будет пичкать нашими лекарствами местных детей и взрослых. А его помощники станут бесстрастно фиксировать все, что с ними будет происходить. Если мы не дадим, мистер Смит возьмет образцы лекарства в другой лаборатории. И они могут оказаться более опасными, чем наши... В наших я хотя бы частично могу быть уверен. Я ведь стараюсь все делать на высоком уровне...

– Ты, Макс, суперпрофессионал! – облегченно вздохнула Хилари. – Поэтому я и выбрала именно тебя. И в качестве помощника, и в качестве мужа.

– Ты считаешь, что и как муж я тоже суперпрофессионал? – усмехнулся Макс.

– О! Как муж ты выше всяких похвал! – как показалось Макс, абсолютно искренне выдохнула Хилари, паркуясь у здания лаборатории.

– Лестно... Весьма лестно... – пробормотал Макс, открывая двери.

Мистер Смит, невысокий, седой, но очень энергичный мужчина лет шестидесяти, нервно расхаживал по коридору. Был он, как всегда, в светлых свободных брюках и белой майке, которая обтягивала его вполне еще спортивную фигуру. Завидев Макса и Хилари, он радостно заулыбался и воскликнул:

– Хэллоу! Я вас уже жду. Надеюсь, вы меня и в этот раз не разочаруете!

– Как же можно разочаровать такого человека, как вы, мистер Смит! – улыбнулась ему в ответ Хилари.

А Макс лишь деловито кивнул и принялся отпирать дверь их с Хилари кабинета.

Макс подошел к столу, включил компьютер и открыл папку, где были обозначены все характеристики нового лекарственного препарата.

– Прошу вас, мистер Смит, читайте, и, если вам это будет интересно, мы, как всегда, изготовим пробную партию, – сказал Макс, обращаясь к гостю.

Тот достал из кармана очки и, даже не присев на подставленный ему стул, жадно прилеился к экрану.

– Ну что? – с тревогой спросила Хилари.

– О'кей! – удовлетворенно выдохнул Смит. – Я беру этот препарат.

– А как с оплатой? – поспешила спросить Хилари.

– Сегодня же деньги будут переведены на ваш счет, – кивнул Смит. – А когда я смогу получить пробную партию?

– Сегодня вечером и заберете, – сказал Макс, – она практически уже готова.

– Вы так были уверены в том, что меня заинтересует ваш новый препарат? – удивился Смит.

– Конечно, – пожал плечами Макс. – Как мне кажется, мы с вами понимаем друг друга с полуслова.

– Ну да, ну да, мне тоже так кажется, – закивал Смит.

– Так мне можно быть уверенной в том, что сегодня деньги будут на нашем счету? – уточнила Хилари.

– Да, – кивнул Смит, – а я лично приеду за новым препаратом.

– К вечеру все будет готово, – заверил его Макс.

И как только Смит вместе с Хилари, которая пошла его проводить, ушли, он достал из шкафа свой халат, распаковал новые перчатки и, заперев дверь, направился в лабораторию, где несколько его помощников еще вчера приступили к производству опытной партии нового лекарственного средства. Через некоторое время Хилари тоже присоединилась к ним. Как уже успел убедиться Макс, она действительно любила химичить, хотя больше, чем химию, любила деньги.

К часам восьми вечера партия нового лекарственного средства была упакована. Пока что это были порошки, но в перспективе оставалась возможность продавать лекарство в таблетках или ампулах.

Смит, который прибыл точно вовремя, удовлетворенно причмокнул языком, вежливо раскланялся и направился к выходу. Когда дверь за ним закрылась, Хилари, облегченно вздохнув, предложила:

– Может, отметим это в ресторане...

– Обязательно, – улыбнулся Макс. – Только не сегодня.

– Ну, тогда давай закажем ужин на дом и устроим ночь любви, – как-то странно улыбнулась Хилари.

– И это будет. Но не сегодня, – кивнул Макс, думая о своем.

– А сегодня что? – недовольно спросила Хилари.

– А сегодня я хочу воспользоваться твоим предложением расслабиться... – сказал Макс, искоса глянув на Хилари.

– Ты хочешь побыть сегодня один? – обиженно спросила Хилари. – Но сегодняшняя победа общая для нас с тобой...

– Ну и ты сходи куда-нибудь. С подругами или любовником, – чуть с издевкой предложил Макс.

– Макс, перестань! Ты же знаешь, что у меня нет никакого любовника, – абсолютно серьезно начала объясняться Хилари.

– Правда? А я и не знал... – продолжал ерничать Макс.

– Ладно. На сегодня я тебя отпускаю. А завтра... – многозначительно вздохнула Хилари.

– Отлично! – кивнул Макс. – Завтра обязательно! А сейчас я дам распоряжение помощнику и – в путь.

– Может, тебя подвезти? – неожиданно предложила Хилари.

– Ни за что! – покачал головой Макс и, чтобы поскорее избавиться от ее опеки и от ее скрипучего голоса, поспешил к выходу и остановил проезжавшее мимо такси.

Когда он назвал адрес, водитель вдруг по-русски уточнил:

– Клуб «Русский экстрим». Не так ли?

– Ты тоже из России? – радостно спросил Макс. Здесь, в Америке, он часто ловил себя на том, что ему была приятна каждая случайная встреча с земляками... Даже возможность просто пообщаться по-русски, без этих их американских фокусов, предисловий, подбора правильных слов и выражений, без этой их нестираемой искусственной белозубой улыбки «чииз», приносила ему несказанное удовольствие...

– Ну да, – улыбнулся водитель.

– И в клубе бывал? – уточнил Макс.

– Приходилось. Раньше, когда еще не женился.

– А теперь что?

– Теперь жена, дети... Не до того... – вздохнул водитель, выруливая на нужную стрит.

– Жена – американка?

– Да нет, из наших, хохлушка.

– А ты сам откуда?

– Из Нижнего. А ты?

– Был москвич. Ну а теперь уж и не знаю...

– Да, с женой-американкой быстро забудешь, кто ты и откуда... – посочувствовал водитель.

– А ты откуда знаешь? – усмехнулся Макс.

– Да у меня друг... Мы с ним вместе из России отчалили, так он тоже на американке женился. Дом, две машины, деньги в банке. А в холодильнике молоко да хлопья. И в спальне – камбала высушенная. Ребенок из пробирки... А у меня – борщ с галушками и баба в постели... Нет, если уж жениться, то на славянке, чтобы и щи, и борщ и кашу, и детей здоровых рожать умела.

– А что, американки не умеют рожать? – хмыкнул Макс.

– Я ж тебе говорю, у них мода новая теперь. Дети из пробирки. Чтобы фигуру не портить, – продолжал вести свою линию водитель.

– Ладно. Решу жениться – с тобой посоветуюсь... – покачал головой Макс, не имея никакого желания обсуждать свою личную жизнь с этим случайным знакомым.

– Ну вот он, твой клуб, – кивнул водитель, припарковавшись у невзрачного с виду двухэтажного дома, – только ты там вряд ли толковую девицу найдешь. Там же не клуб, а, считай, бордель.

– Все-то ты, парень, знаешь, – сказал Макс, протягивая водителю деньги.

– Прости, брат, бесплатно не могу. Детей кормить надо, – кивнул водитель, забирая купюры.

– Да все нормально, – кивнул Макс и добавил: – Я здесь не бедный.

– Да я понял, – вздохнул водитель, – значит, тебе сейчас главное – женщину себе хорошую найти. Я тебе желаю удачи!

– И тебе удачи! – сказал на прощание Макс.

Он подошел ко входу, у которого стояли два широкоплечих охранника, и показал им визитку, которая и была пропуском в клуб.

Клуб «Русский экстрим» был закрытым заведением. Поэтому никаких светящихся букв и рекламы. Макса впервые привел сюда один из его молодых помощников, тоже родом из России. Чтобы попасть в клуб, нужно было поручительство одного из завсегдатаев. И этот парень, который, кстати, подзаработав денег, год назад вернулся в Россию, хотя и был моложе Макса, смог за него поручиться.

В клубе звучали русская музыка и русская речь, подавали русские блюда и русские напитки. Можно было посидеть за столиком в общем зале. Можно было уединиться в отдельном кабинете или в одной из комнат. В обнесенном высоким забором дворике была построена русская баня. Зимой после того, как попаришься, можно было поваляться в снегу. Но, как сразу понял Макс, главным экстримом было то, что здесь, как и в России, можно было напиться в драбадан, а потом в одном из номеров пережить похмелье, а то и запой.

И общий зал, и отдельные кабинеты, номера были оформлены в русском стиле начала двадцатого века. На стенах висели портреты последнего русского царя и царской семьи.

Макс прошел в зал и заказал себе бутылку водки. Молодой человек в белой навывпуск рубашке, жилетке и высоких сапогах, с расчесанными по купеческой моде на пробор волосами тут же принес ему запотевшую бутылку, граненый стакан и два соленых огурца от заведения. Макс налил полстакана, выпил и, уже закусывая огурцом, опять вспомнил свой утренний сон. Теперь он показался ему еще более мучительным. Макс знал, что, когда он выпивает, у него будто откупориваются поры души. Днем за работой и вечером, возвращаясь в опостылевший дом своей Хилари, Макс старался не думать о том, что его тревожит. Но во сне он не мог себя контролировать. И теперь, хлебнув водки, тоже не контролировал ни мысли, ни чувства.

Когда в конце девяностых годов они только-только начали подниматься, а Вован сдал их всех с потрохами, Федор, можно сказать, насильно выпихнул его за границу, сказав, что нет смысла двоим томиться за решеткой. Он почему-то был уверен в том, что как-нибудь все образуется, что ему скостят срок или вообще его выпустят. «Надо же кому-то позаботиться о родителях и о Рыжем!» – заключил он. И Макс действительно на протяжении всех этих лет аккуратно переводил деньги на банковский счет родителей. Не имея возможности узнать, как они там, в России, он, сам себя этим успокаивая, выполнял сыновний долг. И когда ему становилось невыносимо тоскливо с Хилари, он напоминал себе о том, что Федору за решеткой еще тяжелее. Конечно, можно было предположить, что Федор давно вышел на свободу и, купив себе новые документы, растворился в безбрежных просторах. Но Макс почему-то был уверен в том, что Федор, как только выйдет из тюрьмы, найдет возможность сообщить ему об этом и скажет, как действовать дальше. Однако сегодня после того, как он выпил, самым мучительным было то, что к нему вернулось то утреннее его видение и он физически ощутил присутствие Федора.

Макс подозвал официанта и попросил:

– Принесите мне, пожалуйста, еще один стакан и накройте стол на двоих. Принесите мясное и рыбное ассорти и что-нибудь на горячее. На свой вкус. Сразу принесите и ассорти и горячее.

– Вы кого-то ждете? – спросил официант.

– Да. Да, – подтвердил Макс.

– Женщину или мужчину?

– Ко мне брат должен прийти, – сказал Макс.

– Хорошо, я сейчас все принесу, – кивнул официант.

Тем временем на небольшом возвышении, что служило сценой, началась вечерняя программа.

После нескольких душещипательных русских романсов, которые исполнила полногрудая яркая блондинка в темно-синем бархатном платье, зазвучала совсем другая, восточная музыка, на сцену вышел юноша в черном смокинге и объявил:

– Сегодня весь вечер и всю ночь у шеста несравненная госпожа Аэлита.

Зал взорвался аплодисментами. Но молодой человек в смокинге подождал и, уловив момент, продолжил:

– А для милых дам подарок из России – лучший в мире мастер стриптиза – Тарзан.

Аплодисменты и крики усилились. Кто-то даже завизжал от предвкушения удовольствия.

А молодой человек в смокинге опять выдержал паузу и, широко улыбнувшись, добавил:

– Желаю вам всем множественных оргазмов.

И опять раздались аплодисменты, крики ликования и даже свист.

Когда официант принес еще один граненый стакан, рыбное и мясное ассорти и две тарелки с блинами и поджаркой, Макс разлил водку в стаканы и, чокнувшись со стаканом брата, прошептал:

– Ну, Федя, за нашу с тобой скорую встречу!

Музыка зазвучала громче, и на сцене у шеста появилась та самая полногрудая исполнительница романсов, только теперь она была в синем бархатном купальнике и высоких серебряных сапожках. Несмотря на свои довольно объемные формы, она была удивительно пластичной. И поскольку все ее движения ловко акцентировал разноцветными бликами осветитель, зрелище было более чем соблазнительным.

И опять Макс не смог не вспомнить, как они с Федором с первой стипендии решили пойти на стриптиз. А поскольку в девяностые годы стриптизбаров было хоть завались, они, выбирая, что подешевле, попали в какой-то садомазохистский бордель, где на стенах висели наручники и плети, а между столиками разгуливали совсем молоденькие девчонки в ошейниках с шипами. На сцене у шеста тоже танцевала полногрудая дамочка в бикини. Но ее шест был не гладким, а с шипами, которые хотя и были расположены редко, но представляли несомненную опасность, и требовалось великое мастерство, чтобы не наколоться. Когда публика немного разгорячилась, на сцену выскочили два мужика, не то подсадные, не то случайные; они засунули в трусики девушке деньги и, сорвав со стены хлысты, принялись гоняться за ней по залу. Кончилось тем, что один из них привязал к ошейнику, который красовался на ее шее вместо украшения, поводок, заставил ее стать на четвереньки и, оголив зад, бегать по залу.

У них с Федей денег на выпивку не было, а пиво, которое они заглотнули перед походом в это заведение, очень быстро выветрилось. Поэтому они, хотя и смотрели на это все разинув рот, чувствовали себя не сказать чтобы в кайф. Да еще две милые, ярко раскрашенные официантки в одних белых фартушках то и дело присаживались к ним на колени, надеясь на дополнительную оплату или продолжение вечера. Позже, когда у них с Федей появились большие деньги, они ходили и на стриптиз, и в бордель, но никогда не было им так жутко и сладостно, как в той полуподпольной садомазо-забегаловке.

– Мы кого-то ждем? – неожиданно раздалось у самого его уха. Макс повернулся и увидел ярко раскрашенную, профессионально стреляющую подведенными голубыми глазами и призывно улыбающуюся девушку в кокошнике и открытом донельзя красном минисарафанчике.

– Если хочешь, это будешь ты, – вздохнув, сказал Макс и предложил: – Садись, угощайся.

– С ужином будет дороже, – поспешила предупредить девушка.

– А с завтраком? – попытался пошутить Макс.

Но девушка ответила на полном серьезе:

– У нас почасовая оплата.

– Понял, – кивнул Макс, чувствуя, что хмелеет. – У меня есть деньги, и я тебя угощаю.

Выпей со мной.

– Я работаю без алкоголя и наркотиков, – присаживаясь за столик, предупредила девушка.

– Да ты что?! – изумился Макс. – И что, никогда не пробовала?

– Нет, – чуть смутившись, заявила девушка.

– Даже экстази? – не унимался Макс.

– Химию тем более!

– Уважаю! – покачал головой Макс и предложил: – Тогда ешь!

– Я на диете, – опять отказалась девушка.

– Ладно, тогда просто посиди, меня послушай... Мне общение нужно... А потом пойдем в номера...

– Деньги вперед, – напомнила девушка.

– Да-да, конечно... – кивнул Макс и, передав ей несколько купюр, спросил: – Столько хватит?

– До утра да, – кивнула девушка, облегченно вздохнув.

– А как тебя зовут? – спросил Макс, уже на правах покупателя поглаживая девушке руку.

– Маша, – представилась девушка.

– Ну, Маша так Маша, – кивнул Макс, – а меня Макс. А дома, в Москве, у меня, представь, есть брат-близнец Федор. Он как две капли воды похож на меня. Ты когда-нибудь обслуживала близнецов?

– Нет, – покачала головой Маша.

– Ну вот, вернемся сюда с Федором и найдем тебя. Получишь двойное удовольствие! Я тебе это гарантирую... Или лучше поехали со мной в Россию, – предложил Макс.

– Поедем, поедем, – кивнула девушка и, заметив, что Макс, не закусывая, опять подливает себе водки, встала и, сладко улыбнувшись, попыталась вытащить его из-за стола. Ей хотелось поскорее сделать свою работу и, если уж этот парень берет ее до утра, хоть немного выпасться.

– Подожди, куда ты меня тащишь? – заупрямился Макс.

– Потанцуем? – предложила Маша. – Или сразу отправимся в наше уютное гнездышко?

Макс посмотрел на подпрыгивающих совсем не в такт музыке полупьяных мужчин и женщин и покачал головой:

– Пошли в гнездышко... Я хочу спать...

– Вот и хорошо, вот и пошли... – проговорила Маша и потащила его в коридор, где взяла у дежурного ключ от свободного номера и гордо предупредила:

– Я до утра занята...

– Хороша Маша, да не наша... – развел руками здоровяк охранник и шутя погрозил ей пальцем: – Смотри только не финти! А то, как в прошлый раз, проспится твой клиент и заявит хозяину, что вообще к бабам равнодушен. Да еще деньги вернуть потребует...

– Не бойсь, все под контролем! – сказала Маша, придерживая полупьяного Макса.

Что было дальше, Макс не помнил. Утром он проснулся рядом с полуголой девушкой, и первое, за что зацепился его взгляд, был лежащий на тумбочке кокошник. Девушка мирно спала, а он попытался восстановить в памяти вчерашний вечер, но ничего, кроме ласкающей шест полногрудой блондинки, вспомнить не смог. У кровати стоял огромный стеклянный кувшин с клюквенным морсом. Напиток был тепловатым, но это никак не ухудшало его качества. Сделав несколько глотков, Макс покрутил головой и потянулся за лежавшим на полу рядом с кувшином мобильником.

Было совсем рано, и, поскольку их никто еще не тревожил, он решил проверить почту. Первое, что появилось на экране, было письмо от доктора Дмитрия Шевченко. Макс открыл фото с упаковкой таблеток, от вида которой его передернуло, и поспешно вчитался в текст письма: «Хэллоу, Макс! Ты, я знаю, неплохой химик и занимаешься лекарствами. А у меня здесь проблема. Тут у нас неизвестно откуда выплыл новый синтетический наркотик. Пересылаю тебе фото упаковки. Это какая-то кустарная работа. Вывести из организма полностью не удастся. Одна таблетка – и психика не восстанавливается. Микшировать можно, но сложно. Я посылаю тебе результаты анализа. Анализ проводил наш лучший эксперт. Может, эти данные тебе что подскажут. Помозгуй. Нужен хороший антидот. Очень прошу. Жду ответа. Дима».

– Это не Федор. Это Вован... – пробормотал Макс.

– Что? Что ты сказал? – испуганно спросила, привстав на постели, Маша.

– Это я не тебе, – вздохнул Макс.

– Сюда никто не заходил? – с тревогой спросила Маша.

– Нет...

– Ты что-нибудь хочешь? – выдохнула она полушепотом.

– Нет, – покачал Макс головой. – Одевайся. Мне срочно нужно уезжать.

– Но ты такой... Я хочу тебя отблагодарить... – продолжала шептать, ласкаясь, Маша. – Давай разгрузим твой вагончик...

В конце концов она все-таки вернула Макса в постель, и он отдался ее навязчивым, но мягким, обволакивающим ласкам. И это было правильное решение. От проблемы, которая так неожиданно вынырнула из прошлого, нужно было хотя бы на мгновение отвлечься. А для этого стоило забыться хотя бы в объятиях этой длинноволосой голубоглазой Маши.

– Тебе понравилось? – ворковала Маша.

На что Макс только улыбнулся и вздохнул.

– Приходи еще. Или можешь заказать меня на дом... – предложила Маша.

– Вернусь и обязательно закажу тебя на дом, – пообещал Макс, уже вставая.

– А ты сейчас куда? – спросила Маша.

– В Россию, – решительно сказал Макс, влезая в брюки.

– В Россию? – удивилась Маша, натягивая сарафанчик.

– Да, мне срочно нужно лететь в Москву.

– Это из-за этого письма, которое ты читал? – поинтересовалась Маша.

– А ты что, тоже его читала? – насторожился Макс.

– Да нет, – покачала головой Маша, отпирая дверь, – я чужих писем не читаю.

– Я, когда вернусь, приду к тебе еще раз. Или вызову, – кивнул Макс, протягивая Маше еще несколько купюр.

– Спасибо. Счастливой дороги, – вздохнула Маша, целуя Макса в щеку и выпуская его из номера.

Выйдя на улицу, Макс задумался. Если сейчас вернуться домой, придется что-то объяснять Хилари, а ему сейчас вообще не хотелось ее видеть. Сообщение Дмитрия Шевченко, упаковка, формулы не на шутку его встревожили. Здесь, в Америке, он ничем не мог помочь несчастным жертвам. Нужно было срочно лететь в Москву. Деньги, карточка и документы были

при нем, так что был смысл немедленно ехать в аэропорт. Макс остановил такси, назвал место назначения. По дороге он все-таки позвонил Хилари и сообщил ей:

– Я лечу в Москву. Потом все объясню.

Как отреагировала Хилари, слушать он не стал.

Но в самолете его ждал сюрприз. Его соседом оказался мистер Смит. Он тоже летел в Москву.

Глава 5

Ларе казалось, что она проспала несколько суток. И если бы не мать, могла бы проспать еще сутки, а то и двое. Мать вытащила Лару из постели и принялась трясти перед ней серебристой упаковкой со злосчастными таблетками.

– Где ты шлялась до утра и где, где ты взяла эту гадость?! – кричала мать, все больше и больше краснея.

– Я спала, я уже двое суток сплю! – недовольно буркнула Лара.

Она стояла посреди комнаты в майке и трусиках, ее ярко раскрашенные волосы торчали в разные стороны, а тушь и тени от густо подведенных глаз размазались на пол-лица.

И тут на пороге ее комнаты вырос некто в форме полицейского. Это был отец Димона, такой же долговязый и белобрысый. И это значит, что дело принимало совсем иной, еще более серьезный оборот.

– Ты только на нее посмотри! Всю ночь где-то шлялась, а теперь утверждает, что спала она! – еще больше распалилась мать.

– Пусть он выйдет! Я не одета, – придя в себя, недовольно фыркнула Лара, пытаясь сообразить: это ей кажется, что она проспала несколько суток, или мать права и ее действительно ночью не было дома.

– Я те сейчас выйду! – продолжала трясти упаковкой таблеток мать. – Мы сейчас тебе выйдем! Его Димон от этой гадости чуть не помер. Теперь в психушку на пожизненно заберут. А ты домой приперла! Что это такое, я у тебя спрашиваю?! Где взяла?!

– Ладно, – махнул рукой Димин отец. – Пусть девочка и правда оденется, умоется. Я на кухне подожду.

Он вышел и закрыл дверь.

– И ты выйди! – буркнула Лара.

– А я че выйди?! – продолжала наступать мать. – Я че, тебя голую не видела?!

– Не, ма, ну правда выйди, – уже помягче проговорила Лара. – Я сейчас оденусь, умоюсь и к вам приду. Я вам все расскажу. Все, что знаю. Я сама Димону и Шпунтику помочь хотела. Я даже в больницу ездила...

– Таблетки эти, что ли, возила?! Ты хоть знаешь, что это такое?!

– Отдай! Это от головы! – сказала Лара, пытаясь забрать таблетки.

– От головы! Вы на нее посмотрите! Не смей матери врать! – еще громче закричала мать, уворачиваясь от Лары. – По телевизору показали, что это за таблетки! Предупредили: если найдете, в полицию сдайте. Вот я и сдам сейчас. И эти таблетки, и тебя вместе с ними.

– Ма! Ты че! – распахнула глаза Лара. – Я думала – от головы. А сдать я и сама могу.

– Ладно, одевайся и умойся иди, а то перед батей Диминым стыдно, – покачала головой мама и вышла, хлопнув дверью.

Лара подумала, подняла с пола джинсы, но передумала и вытащила из шкафа халат, глянула в зеркало и тихо застонала:

– Ну и рожа...

Потом прошла в ванную, еще раз глянула в зеркало, включила воду, смыла краску, разделась и встала под душ. Под душем она обычно стояла не меньше часа. А теперь ей еще надо было все вспомнить и решить, как ей разговаривать с матерью и особенно с отцом Димона. Спешить ей было не к чему. Отец Димона, который после смерти жены растил сына и его младшую сестру Вальку один, давно уже пытался по соседству ухаживать за Лариной мамой, но, поскольку к ним время от времени возвращался пожить Ларин отец, с которым мама так и не расписалась, особой активности не проявлял. Однако в том, что поговорить им на кухне будет о чем, Лара не сомневалась. Она к отцу Димона относилась очень даже неплохо. Он ей

нравился больше, чем родной, всегда пьяный или подвыпивший отец. Отец бывал груб да еще сомневался, родная ли ему Лара дочь. Хотя денег всегда давал, сколько просила.

В ванную комнату Лара обычно брала мобильный и пускала во всю громкость записанную на симку музыку. И теперь, прежде чем включить душ, она нажала нужную кнопку. Под душем Лара постепенно все вспомнила. Как ходила проводить Шпунтика и Димона, как познакомилась с доктором Шевченко, которому дала, точнее, продала таблетки. А сама... Сама она вчера вечером отправилась в один из клубов на танцевальный марафон. Такие марафоны часто в последнее время проводились в разных клубах, и Лара даже однажды побывала среди победителей. Но вчера она потащилась на марафон не ради победы и даже не ради участия. Она хотела провести свое личное расследование. На таких марафонах по дешевке продавали дурь, потому что без дури никто до утра в этих скачках не продержится.

Стоя под душем, Лара закрыла глаза и начала даже пританцовывать. Перед глазами опять замелькали разноцветные лучи, какие-то кислотного цвета перчатки, ленточки...

– Лара, ты скоро?! – прокричала из-за двери мать. И по голосу Лара поняла, что мать уже выпила.

– Иду! – крикнула она, понимая, что чем скорее она выйдет, тем легче будет говорить и с матерью, и с отцом Димона.

Там, на марафоне, ей и подсунули эту упаковку таблеток. И она заплатила тому мужичку и запомнила... Да, вот оно, самое главное – того не то мужичка, не то пацана в куртке с капюшоном, который продал ей дурь, кто-то позвал. И назвал его он... Сморчком или нет, Сморчком. Лара облегченно вздохнула. К ней вернулась память, и она все вспомнила! Ведь вчера, точнее, сегодня под утро ей удалось даже проследить за этим Сморчком и подслушать разговор, из которого она поняла, что сегодня в одиннадцать или двенадцать вечера в Люберцах он должен будет получить новую партию товара. И еще она увидела, в какую машину он садился... Серебристый джип... Серебристый джип... Только вот одной ей по-любому не под силу ни выследить, ни тем более поймать этих гадов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.